

СЕДОВА МАРИЯ

ИСКРА

ХАОСА

Мария Седова

Искра Хаоса

<https://litres.ru/73123558>

SelfPub; 2026

Аннотация

Уже восемь столетий Ларитрия живет в стерильном порядке. Магия объявлена болезнью, чувства - слабостью, а древние Хранители превратились в прах и сказки. Великий Хаос спит в глубинах земли, и покой его сна охраняет стальная воля правителей. В этом мире нет места случайностям.

Катерина всегда знала, что мир вокруг неё - это единственно возможная реальность. Она должна была стать идеальным отражением своего отца и продолжить очищать империю от зла

Но одна случайность меняет всё в её привычной распланированной жизни и только ей остаётся решать - потушить искру или позволить ей разгореться?

Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 4	26
Глава 8	78
Глава 9	101
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Мария Седова

Искра Хаоса

«Невозможно быть свободным от того, от чего убегаешь»,

– Фридрих Вильгельм Ницше

216 год после обретения

-Ты должна-он грубо хватает меня за плечи, разворачивая спиной к себе и подталкивая вперёд: ближе к тёмному коридору

–Нет-мой голос уже хрипит от непрекращающихся криков-Ни за что. Я клялась-срываю его сильные руки с моего тела и выставляю ладони вперёд, не позволяя подойти ближе

Я пытаюсь держать себя в руках, но руки дрожат, а слёзы уже ручьями стекают по щекам. Мне ещё никогда не было так страшно: за себя, за него ,за империю. Отчаяние расплывается по груди

Этого просто не может быть. Нет причин чтобы нас ненавидеть. Я существовала ради их счастья.....

–Мира-его голос срывается на хрип- Умоляю, послушай, свет мой. Это всё просто ошибка ,люди не знают всей правды. Я разберусь-ослабив бдительность, ему удаётся взять мою ладонь- Мы разберёмся-он накрывает её своей и аккуратно гладит кожу

Крики становятся всё громче : я слышу эту боль и ненависть , чувствую всем своим существом. Это не ошибка. Те, кто вышел сегодня на главную площадь и поджёт дворец, не уйдут с пустыми руками.

– Если всё так, как ты утверждаешь, то почему отсылаешь меня? -его сладкие речи завели нас в тупик- Если нет никаких рисков, то я могу остаться с тобой.– я интуитивно тянусь к нему всем существом, особенно сейчас, когда потрясена , и мне требуется доля выдержки, чтобы не позволить попасть под его влияние.

Я не оставлю Клиона одного

–Риски есть-дверь резко распахивается и на пару мгновений я впадаю в оцепенение от осознания, что всё это время нас подслушивали, но увидев Гарриса всё же немного расслабляюсь- Народ в ненависти и непонятно что может произойти.

Клион сверлит его недовольным взглядом и разводит руками. Я вижу, что он на пределе.

–Мира, ты серьёзно. Хочешь поставить под угрозу весь мир? – Гаррис срывается на меня – Я знал, что законченная эгоистка, но ставить на кон всё это слишком

–Если они хоть пальцем притронутся к тем, кто мне дорог, то пусть сгорят в чёртовом пламени- я произношу это спокойно и осознаю, что это только начало

Начало конца

Глава 1

2 нисходящая луна

Не посчастливится тому, кто решит навестить столицу империи в этот праздничный день. Он не сможет найти себе ни ночлега, ни пропитания. Любой, кто окажется на пока что пустынных улицах, должен будет выбрать свою сторону, пока не стало слишком поздно. Ведь в этот раз каждый убеждён в своей свободе.

Сегодня знаменательный день. Вместо ярких небесных светил небо окрасится кровью, пролитой невинными. Такая цена свободы.

«Κάτω η καταλίεση» – эта фраза стала их девизом. Она просачивается сквозь стены самых крепких каменных домов, заставляя мужчин покидать семьи ради того, чтобы скрываться в тёмных подвалах. Её пока что произносят шёпотом, вполголоса. Но сегодня многие будут выкрикивать её до тех пор, пока не сорвут глотки.

Они долго ждали этого – нельзя идти на врага, пока не узнаешь его слабые стороны. Маги не из тех, кто сдаётся с первой попытки.

На самом деле тот факт, что они до сих пор ничего не подозревают, – это уже победа. Иначе бы выдрали с корнем любое инакомыслие, а потом прижгли бы больное место. Так, чтобы там больше ничего не приросло.

Но сейчас уже поздно – людей слишком много, и они готовы умереть, лишь бы увидеть конец деспотов. Вы жгёте одних, и на их месте тут же вырастают новые. Бесплезно.

Остаётся только смириться с тем, что как раньше уже не будет. Империя первых либо падёт, либо мне даже страшно представить, что с ней случится.

1999 год после обретения

Я проснулась-на осознание этого факта мне потребовалось несколько минут. Несколько жутких, наполненных ужасом пограничья между реальностью и жутким мороком минут, когда ты хватаешься потными ладонями за дубовые поручни кровати и не можешь отвести взгляда от потускневшей фрески на потолке. Смотришь на замысловатые узоры ,узнаешь знакомые очертания – и лишь затем делаешь первый свободный вдох.

За окном дождь -ещё не рассвело и небо кажется совсем чёрным .В поиске глотка свежего воздуха я открываю верхнюю форточку и всем нутром ощущаю влажный аромат грязных узких улочек . В такие зябкие дни неполной луны Мираклион кажется особенно мрачным и загадочным.

Ускользнуть бы из дома на пару дней-мысль молнией проносится в моём сознании, окончательно пробуждая тело ото сна и заставляя резко закрыть свободный проход для воздуха. Громко.

Слишком громко, слишком душно, слишком. Я опять слишком. Нельзя.

Меня слишком много и поэтому сейчас придёт служанка. Забираюсь под мягкую влажную после долгой ночи простынь с головой и завернувшись в кокон, вновь прикрываю глаза. Так , чтобы больше не уснуть

–Мисс Катерина, у вас всё хорошо? – за дверью раздаётся писклявый голосок и я делаю вид что только проснулась

–Ханна, разве сейчас не слишком рано? Неужели уже пора вставать?

–Присцилла слышала странные звуки, раздающиеся из вашей комнаты , и отправила меня проверить-неуверенно отвечает Ханна.

Я знаю, что старая карга Присцилла недолюбливает молодых служанок , и потому не может прожить и минуты без того, чтобы дать им очередное поручение.

–Я хотела открыть окно, но сейчас ужасно ветрено . То шумела старая оконная рама

–А...-она замаялась- Прощу прощения, что потревожила вас. Если госпожу беспокоит духота, я могу принести холодного виноградного нектара

–Не стоит-её излишняя напускная вежливость отдаёт оттенком притворства-Зайди ко мне

Дубовая дверь едва слышно поскрипывает и я вижу смиренно стоящую передо мной юное дитя. Склонила голову и вся трясётся. Наверняка остальные служанки успели нашептывать ей гадостей про меня.

–Поспи сегодня со мной-я отодвигаюсь, освобождая ме-

сто на кровати

Скорее всего сегодня целый день будет дождь – я продолжу смотреть в окно, пока молчаливые служанки затягивают мой корсет и заплетают волосы в тугую причёску. Как никак, мне предстоит долгая дорога.

Я люблю Мираклион со всеми его недостатками и, там, в глуши, мне конечно будет не хватать жизни. Но, быть может, комната на третьем этаже компенсирует это.

Но ничего не компенсирует мне временное отсутствие занятий. Наверное, я сойду с ума от скуки

Как я и предсказывала, день сегодня особенно дождливый – столица Ларитрии и без того славится хмурой погодой, но бывают дни когда она особенно невыносима. Такой день сегодня – отпустив служанок и пообещав спуститься через несколько минут, я припала к окну

В самом сердце города и по совместительству напротив моего дома находится главный корпус академии – из моего окна хорошо видно, как каждое утро студенты бегут на занятия. Я тоже студент, но только об этом не знает никто кроме меня и преподавателей, периодически навещающих мой кабинет для занятий.

На хмуром лице расцветает улыбка, когда я вижу знакомые лица – эта компания юношей каждый раз опаздывает. В прошлом году так то было ещё хуже- кажется они неделями могли пропускать занятия. И как их ещё не исключили?

А эта девушка – я никогда не видела её с друзьями, она

всегда ходит по одиночке, прижимая к себе набитую сумку
–Катерина-я вздрогнула, услышав голос за дверью. Почему он сегодня пришёл ко мне ?

Это из-за форточки? Во всяком случае, медлить нельзя- настолько быстро, насколько позволяет тугой корсет, я бегу открывать дверь.

–Отец-я глубоко кланяюсь, стараясь не смотреть в глаза возвышающейся надо мной двухметровой фигуре.

–Ты хорошо спала? – он кладет тяжелую руку мне на плечо и шершавым пальцем гладит по оголённому участку кожи- Сегодня у тебя не болит голова?

От удивления и подступившего к горлу страха мне становится сложно дышать. Но нужно ответить

– Вы вчера передали мне новый отвар? На вкус замечательно и сон заметно улучшился-путаюсь в словах -Благодарю

–Это хорошо-не спрашивая моего разрешения он перемещает руку к моему лицу, приподнимая его за подбородок и заставляя смотреть на него. Пару напряжённых молчаливых минут мы просто смотрим друг на друга

Отец часто разглядывает меня – каждый раз словно забывая как я выгляжу.

–Как ты и просила, я договорился с академией.-вздыхает он, убирая руку- Ария, твоя преподавательница по вольным наукам , согласилась обучать тебя лично . Она закончит дела в академии и приедет в Галлири через неделю после твоего

переезда .Она же выдаст тебе грамоту об окончании

–О, Хаос- страх уступил место счастью и я едва ли не потянулась обнять его .Но взяла себя в руки-Отец, как я могу отблагодарить вас

–Просто не устраивай больше представлений

Замаячившее на горизонте хорошее настроение улетучилось

Глава 2

Мы едем долго- Галирри находится около Эльдейрана и, на самом деле, гораздо проще было бы добраться вплавь. Но отец настоял на карете

Не то чтобы я была против – у меня отдельная , небольшая карета, в которую помещаюсь только я и Ханна, которую мне дозволили взять с собой. Она сидит тихо и совершенно не мешает мне читать очередной том обобщённой истории империи. Это , кажется, уже десятый- осталось ещё пятнадцать .

Но всё же мне хочется хоть с кем-нибудь поговорить.

Отец скачет на жеребце, так что за эти несколько дней мы совсем не пересекаемся. Высокие дома сменяются пахотными полями и небольшими пригородными поселениями, Урожай около Мираклиона уже собрали, но в Эльдейране должно быть ещё совсем тепло – луна сменилась на солнце совсем недавно ,и когда вместо усталой взрыхлённой земли я вижу цветущие луга и больше пшеничные поля, то понимаю, что мы совсем близко

–Ханна-уже в который раз за несколько дней я обращаюсь к молчаливой девочке, но её броня кажется непробиваемой- Мы наконец то приехали

Из окна я могу увидеть лишь высокие сосны, которые нас окружают , но на самом деле мне не терпится поскорее уви-

деть свой новый дом

Как только двери кареты открываются ,первым что я подмечаю становится свежий воздух- он проникает в моё засидевшееся после продолжительной поездки тело ,и наполняет его энергией

Спешу поскорее выбраться и уверенно протягиваю руку услужливому лакею, но как только ступаю на землю, замечаю что то странное. Земля мягкая и вязкая- видимо недавно прошёл дождь. Потому то и воздух кажется таким свежим

Я поднимаю глаза на свой будущий дом

Поросший плющом, но ухоженный трёхэтажный особняк из крупного белого кирпича .Сам дом находится на небольшом возвышении, и тропа, выложенная мелкими разноцветными камушками, блокирует путь для любой повозки.

Так что придётся идти пешком.

Кучер взваливает на спину мои сумки и тяжело кряхтя, поднимается по крутому холму

Сзади раздаются тяжёлые шаги

—Я выделил для тебя несколько комнат на третьем этаже. Ты и Ария будете жить рядом. — он замолчал на несколько секунд, а затем добавил- И у тебя будет балкон

—Я благодарна за вашу доброту ,отец- я поклонилась

—Помни: ты не должна выходить без разрешения и общаться с местными. Ты никогда раньше не была в таких местах ,и не знаешь нравов этих дикарей

Я ничего не ответила. Подул холодный ветер и я зябко

поёжилась, а затем, когда отец отпустил меня , пошла в дом

Ничего не меняется- это была ложная надежда. Та же жизнь, сводящая меня с ума однообразностью и не дающая ни глотка свободы. Нужно просто снова стать равнодушной и не подводить отца

Тогда всё будет хорошо. У меня замечательная жизнь, а я просто неблагодарная. Могла родиться в доме для ублажений, или у какого-нибудь обедневшего купца и дело с концом

Но я родилась дочерью человека. на сильных плечах которого держится порядок империи. Пусть это и возлагает на меня определённую ответственность , никогда в своей жизни я не слышала оскорблений от кого –либо. Кроме отца

Он уничтожил на корню самую мысль о том, что магия может быть полезна. Это зло, чистое зло, затуманивающее разум и мешающее бытию мироздания. И смерть ,даруемая носителям зла- их благословение.

По скрипящей винтовой лестнице меня провели наверх-по правде говоря была и большая центральная, но из-за длительного запустения некоторые ступени прогнили. Снаружи поместье выглядело неплохо ,но внутри было видно что слуги убрали застоявшийся слой пыли в последний момент- пахло влагой и немного плесенью. Но жаловаться нет смысла. ведь в конце концов, я ничего не могу изменить.

Да и к тому же тут явно было чем заняться- хоть бы рассмотреть узоры на тёмной дубовой мебели. которой был обставлен дом. В гостиной с большими ,обшитыми оранжевым

бархатом диванами и хрустальным столом на тонкой ножке, стоял большой красивый рояль

А моя комната это вообще сокровище- мало того, что находилась на самом верху дома, так ещё и имела свой маленький балкон, спрятанный под развесистыми ветвями старой ивы, чьи пышные ветви гнули её вниз и делали это сооружение похожим на укрытие .из которого можно наблюдать за деревенскими дикарями

Обстановка было победнее, чем мои покои в столице, но всё же в ней чувствовался стиль- раньше у меня никогда не было кожаного кресла и кровати с длинным полупрозрачным балдахином

Правда очень и очень пыльным балдахином-когда я раскрыла его, то тут же закашлялась-слой пыли поднялся в воздухе, проникая в глаза и лёгкие

Резкий порыв ветра ,прорвавшегося через раскрытые ставни раскидал только что аккуратно разложенные записи и я даже не смогла их поднять ,на время оказавшись совершенно ослеплённой

И то ли я совсем схожу с ума и мне вновь нужно показаться врачу, то ли ветер в этих местах какой то особенный-я отчётливо услышала чьи то шаги. Сперва не придала этому значения, испугавшись боли в глазах. а когда вернулась в норму то конечно никого не обнаружила

Глава 3

Время тут тянулось бесконечно-первые дни я чувствовала себя совершенно разбитой в окружении этих чужих стен и незнакомых людей. Без занятий в академии моими единственными занятиями оставались чтение книг и наблюдение за изредка проходящими мимо поместья крестьянами и беспокойно снующими туда сюда слугами. Такое ощущение, что люди избегают этого места

Отец то запирался в кабинете, то куда то уезжал –я не видела его даже за приемами пищи в столовой. Но кажется он наконец то забыл о моих тренировках. Хоть что то хорошее, ведь теперь я наконец смогу нормально выспаться

Я даже достала холсты- уже старые и потрепанные, но сохранившиеся с тех времен ,когда я увлекалась этим всерьёз. Последние два года в академии вкупе с тренировками отца просто выжимали из меня все соки.

Я всегда была лучшей-зная, чья я дочь, по другому и быть не могло. Достойная смена своему отцу. Потому и привыкла заканчивать дело лишь тогда, когда была уверена, что сделала всё идеально.

Но не всё у меня получалось с первого раза-урождённая слабой ,болезненной и худощавой,я первое время даже меч в руках держать не могла

Отец, узнав о моих неудачах, сам вызвался меня обучать. Я боялась, не зная чего ожидать, и как оказалось не зря. Гарсия никогда не щадит неудачников

Отец вернулся ночью и уже на рассвете я стояла напротив

него, пытаясь найти опору в мягкой влажной земле и побелевшими костяшками сжимала меч

–Нападай – устало произнёс он, потирая переносицу и всем своим видом показывая, что ничего стоящего от меня не ждёт

Лёгким движением он скинул с себя верхнюю мантию и остался лишь в удобном для боя облегающем костюме, не скрывающем его мощного атлетичного телосложения.

Я сглотнула, чувствуя напряжение в каждой чёртовой мышце этого хилого тела. Я не хочу нападать. Не хочу драться. Не хочу делать больно отцу, но в конце концов хуже будет только мне

–Хорошо-кратко произнесла я ,и присела в боевую позу

Но не успела я сделать и шага, как он вихрем обрушился на меня. Потребовалась вся выдержка. чтобы не уронить тяжёлый меч и при этом уклонится от его выпада. Я попыталась уйти ему за спину, но подошла слишком близко

Секунда-и он оказался позади меня выбив меч из моих рук. Ещё секунда и сабля оказалась прямо около моего горла. Я предприняла жалкую попытку вырваться, ударив его локтём в горло-знала, что это всё равно не поможет, но всё равно вложила в этот удар все свои силы .Должно быть холодный металл, который я почувствовала на своём горле, позволил адреналину взять верх

Его презрительное молчание было сильнее всяких слов. .Я как всегда разочаровала его...какой бы хорошей и прилеж-

ной ученицей я не была, мне никогда не стать талантливым полководцем. Ведь я не мужчина

–Таким ударом ты даже никого не обезвредишь!-надменно произнёс он – Ты видела, что я нападаю прямо, почему на зашла назад

Холодный металл продолжал давить на кожу и мне вдруг захотелось, чтобы он вошёл поглубже? Почувствует ли отец хоть какую то муку совести.

Но нет-он толкает меня вперёд и повторяет свою первую фразу

–Нападай

Он не щадил меня-нападал снова и снова, видя что я уже не могу даже сконцентрироваться .Но всё равно каждый раз повторял

–Нападай

–Нападай- это слово уже эхом звучало в голову, когда спустя несколько часов я буквально свалилась с ног на мягкую траву

Я не чувствовала ног,, зато чувствовала своё вымокшее до кончиков волос тело и выпрыгивающее из груди сердце. Я наверняка выгляжу жалко. Ущербно

Я подняла на него глаза-он перекидывал острую саблю из рук в руки,пытаясь скрыть раздражение,которое так и грозило выбраться наружу.Его мощные и сильные руки с какой то напускной игривостью вертели острое серебро,рассекая воздух.

–Ты собираешься встать?–словно ничего и не произошло.спросил он

Я ничего не ответила -подняла глаза на безоблачное небо.Погода тут гораздо лучше чем в столице

–Это не вопрос

– Я давно не тренировалась

–Всего неделю

–Целую неделю- у меня не было сил даже на нормальный разговор

Мы столкнулись взглядами, и на пару секунд замолчали .А затем он кинул саблю на землю и с желчью выплюнул

–Ничтожество-дверь захлопнулась и я наконец смогла расслабить затёкшие от напряжения мышцы. Мягкая трава сейчас казалась самой мягкой постелью.

Встать всё же пришлось – еле доковыляв до комнаты под руку с обеспокоенным дворецким, я тут же вернулась в постель. Ночью спалось ужасно – видимо я ещё не до конца привыкла к новому месту. Подушка казалась жёсткой, одеяло колючим, а голова полной жутких мыслей- я не могу отвлечься на учёбу, так что они всё чаще берут надо мной верх

Проснувшись, я почувствовала себя совершенно разбитой -за окном уже опустилось солнце ,и нежные закатные лучи освещали комнату из зашторенного окна. Откинулась на подушку , разглядывая свисающие с потолка куски старой краски.

Сегодня ночью я не усну- наверное уткнусь в историю.

С трудом оттолкнувшись за поручни кровати я села, вновь уставившись в одну точку. У меня нет сил. Совсем нет. Тело болит после изнурительной тренировки, а осознание того, что новая ждёт меня завтра с утра и так каждый день, пока отец снова не уедет

Переборов усталость, я всё таки решила выйти подышать воздухом. Надо хоть как то придти в себя, чтобы снова не уснуть .Накинув на себя лёгкую бархатную накидку, я отворила дверь балкона

Вдохнув свежий воздух, я тут же ощутила, как кровь прилила к голове – остывший к вечеру воздух освежал лучше любого снадобья

Облокотившись руками о тонкие резные перила, я опустила голову вниз -передо мной как на ладони раскинулась небольшая деревушка. Маленькие уютные однотипные домики выглядели игрушечными : наскоро сбитые и необработанные стволы и хлипкие крыши, поросшие мхом. Наверное , наш дом выглядит целым дворцом по сравнению с их жилищами

Люди спешили домой после целого дня работы в поле-сейчас самый сезон сборки урожая. Слышались весёлые перекрикивания, мычание тучной коровы и гоготание птиц. Укрытая в тени ивы, я была сторонним наблюдателем и поэтому могла стоять столько .сколько душе пожелает

Вскоре стемнело-кое-где зажглись огоньки ,а голоса стали потихоньку затихать. Подул холодный ветер и я уже решила

было вернуться домой

Нет. Я не верю....

Неужели у меня галлюцинации из-за того, что я проспала обед и не выпила лекарство. Это всё тупоголовые служанки, даже не удосужились меня разбудить .

Как иначе объяснить то, что я вижу : сквозь густые ветви старого дерева просвечивается странное свечение. И если бы оно не отсвечивало голубизной ,я бы подумала, что это последние лучи уходящего солнца. Но этот огонёк не был похож ни на что ,что мне удавалось видеть ранее.

Мне стоило бы уйти. Оставить всё так как есть ,не давать волю своему любопытству, граничащему со слабоумием .Я ведь всегда поступаю так как следует.

Но сегодня я сделала исключение – отец рядом .а значит это просто не могло быть ничего опасного. С города с нами приехали подчиненные отцу дагласы,так что любые страхи кажутся просто пустым звуком

Так что перетянувшись через перила, я раскрываю ветви, пытаюсь разгадать загадку. Но таинственный огонёк как будто становится всё дальше и дальше,словно дразня меня .Но я достигну своего: залажу на поручни, цепляясь ногами за резной край-здесь ведь меня всё равно никто не увидит..

Но он исчезает также быстро ,как и появляется-я тянусь вперёд, раскрывая ветви дальше и дальше и утопая в зелёной листве, но безуспешно

Тихие шаги раздались за моей спиной и я быстро спрыг-

нула назад. Кто решил навестить меня ?

Но обернуться я не успела – замерла, почувствовав что кожи на шее касается холодный металл

–Тут красиво-шепнул мне на ухо низкий голос. Нежно и тихо, но без добрых намерений

В голове рой мыслей : неужели отец так проверяет меня? И если нет ,то как этот мужчина пробрался сюда. Кровь ударила в голову и по телу пробежали мурашки

–Если вас отправил сюда отец, то настоятельно рекомендую опустить оружие-глубоко вдохнув, постаралась спокойно произнести я -так вы ничего не добьётесь

–Почему же ничего? – всё так же насмешливо спросил он и прижал клинок ещё сильнее к моей коже. Так, чтобы я не могла нормально дышать без боли-Я могу прямо сейчас перерезать тебе горло

Нужно думать быстрее- прокручиваю в голове все уроки с отцом .Я могу попытаться перекрутить его руку и уйти за спину ,но это рискованно- одно резкое движение и я труп.

Он всё равно покойник, вне зависимости от того, что со мной произойдёт. Кем бы он ни был. Но если я останусь невредимой то ...

Железо было прижато слишком близко к моей коже, чтобы я могла здраво мыслить .Ударила резко и видимо в цель, ведь рука на несколько мгновений ослабила хватку и дала мне маленький. но всё же шанс.

Резко и глубоко вдохнув, я ринулась к двери. Надежда бы-

ла ,но тут же испарилась ,когда я дёрнула за закрытую ручку. Ещё раз ,и ещё. ...она не поддавалась, но я продолжала дёргать её всё сильнее, стараясь не обращать внимания на шаги за моей спиной.

Дыхание спёрло, когда я осознала, что попала в ловушку. Слабая ,загнанная и безоружная, я ничего не могла сделать ,кроме того, чтобы до последнего пытаться увернуться.

Я резко развернулась и столкнулась с человеком лицом к лицу- видимо он тоже этого не ожидал, а потому на пару секунд вновь потерял хватку. Я не могла разглядеть его полностью из-за плотного чёрного плаща, но даже в полумраке ,скрывающем лицо ярко горели голубые глаза. Слишком яркие, неестественно

Мы точно раньше не пересекались? Такое ощущение , что я где то видела его. Голову пронзило тупой болью, словно кто-то ударил меня тупым предметом сзади

Крепко зажмуриваюсь и, когда открываю глаза .чудом успеваю вновь увернуться .Балкончик совсем узенький, и я мгновенно оказываюсь на самом краю. Смотрю вниз- если прыгну, то точно что-нибудь сломаю

А может быть и умру.....просто закрою глаза навсегда и исчезну из этого мира. Моё тело закопают и может быть даже отцу будет грустно. Столько усилий зря

На самом деле звучит неплохо- на мне сейчас удобный наряд для занятия и ничто не мешает мне взобраться выше на перила .

Мужчина за одно мгновение преодолел расстояние между нами и я откинулась назад, широко раскрыв глаза. Я убежала не потому что боялась смерти, а потому что не могла позволить себе умереть от чужой руки. Лучше уж так. чем быть заколотой незнакомцем в своих же покоях

В груди заняла от сладостного предвкушения и острого пронизывающего страха-всё продолжалось всего несколько секунд. Холодный воздух, проникающий под одежду и не дающий сделать вдох, волосы лезущие в глаза и охватывающий всё существо ужас

Я готова к боли, но её не следует. Чьи то крепкие руки сжимают меня, не давай приземлится на землю

Раскрываю глаза

– Нет-хрипло шепчу я ,глядя на лицо голубоглазого мужчины. Капюшон откинулся и теперь я могу хорошенько рассмотреть черты его лица.

Он маг-обычный человек не спустился бы так быстро. Порождение нечисти трогает меня -я выставляю руки, заставляя меня выпустить и тут же шлёпаюсь на землю

Пытаюсь подняться, но не получается.

–Зачем...-из моего рта доносятся лишь хриплый шёпот-Зачем

На его лице отражается шок-чистый ,первобытный. такой, что невозможно изобразить .Чем я могла так удивить этого монстра

Что-ж, страх перед ним улетучился-его место заняла жуг-

чая ненависть. У меня нет клинка, но если был ,без сомнения кинула бы.

Он всё ещё молчит

–Почему бы вам просто не убить меня,-раздражённо кидая я,-закончим уже этот спектакль

–Нет,-наконец произносит он .Отрывисто и быстро,– Не время

Он опускается ко мне, но на этот раз в его руке нет оружия .Лишь глаза- те, от которых несмотря на всю распалюющуюся в моей груди ненависть,, не могу оторвать взгляда

Едва ощутимым касанием маг прикасается к моему лбу и я не успеваю среагировать, прежде чем мир передо мной начинает расплываться. Хватаюсь за воспоминания, пытаюсь сохранить хоть их обрывки, но чувствую острую.прожигающую изнутри боль. Мир уже становится тёмным, когда я слышу шёпот около моего уха

– Ты тут ни при чём

Глава 4

Когда я очнулась уже рассвело- отец наверняка уже ждал на занятиях. Служанки долго стучали в мою комнату, а когда не дождались ответа, ворвались бы и обнаружили ,что моя постель пуста. Доложили бы отцу...

Скрутившись в позе эмбриона на холодной траве, я тихо застонала .Лучше бы он убил меня .Как я могу объяснить это отцу?

Всё тело невыносимо болело, но что было особенно странно, в груди вновь проснулась сосущая тоска-словно после встречи с этим человеком я потеряла что-то важное. Она была сильнее чем то, что я ощущала раньше.

Не сразу, но я заставила себя подняться. Опёрлась спиной на мощный ствол ивы- я вполне могу попытаться залезть на неё, чтобы попасть в комнату. Но дверь ведь закрыта.

Голова раскалывается так, словно прямо сейчас по ней усердно бьют топором, пытаясь отделить от шеи. Я запуталась и совсем не знаю что делать

К тому же этот мужчина-он не похож на тех магов, про которых я читала в книгах .Он внятно разговаривает ,нормально одет, и у него уж точно не звероподобный облик

Мне нужно срочно вернуться и рассказать про всё отцу.....он обязательно найдёт его иубьёт

Но хочу ли я этого? В конце концов, он не причинил мне

вред, хоть и пытался это сделать

...Нет, отцу нельзя ничего говорить про него, к тому же он вряд-ли мне поверит. Будет только хуже, скажет что опять выдумала.

Я сама отыщу его. Убью ,но перед этим выбью ответы на вопросы-почему он не убил меня,и почему назвал несчастной?

Ладно, сейчас для меня главная задача-выбраться отсюда. Вдруг этот маг всё ещё здесь?

Вдруг ко мне пришло осознание-этот мужчина мог навредить моему отцу!И вправду,ведь не зря он так прятался! Я ускорила шаг-несмотря на то ,что моё изменное после беспокойной ночи тело горело под палящим солнцем, а в пятки впивалась колючая трава.Каким бы мой отец не был человеком,я всегда любила и люблю его.С ним же всё в порядке?

Обойдя дом. я оказалась у входа .Спрятавшись за стволом широкого дуба, я кинула быстрые взгляды на двух массивных дагласов.сторожащих вход. Как ни крути,если я хочу попасть в дом,то должна пройти мимо

Но я всегда была удачливой- из дома вдруг небрежно прогуливаясь вышел дворецкий. Между двумя пальцами он небрежно держал деревянную сигариллу, так популярную в последнее время у богачей.

Стоило ему повернуть голову ,как я вылезла- приложила палец к губам и тихонько подозвала к себе. Этот иссохший- низкий мужичок оказался сообразительным-его поведе-

ние ничуть не изменилось: такими же широким развалистыми шагами он поплёлся ко мне ,на прощание кивнув парням

–Мисс,-выдохнув тёмный пар ,задержавшийся в его рту слишком надолго, он закашлялся,-Позвольте спросить

–Не сейчас, ,– я схватилась за его сюртук обеими руками, пытаясь устоять на ногах-Пожалуйста, отведи меня домой через вход для слуг. Я тебе обязательно всё объясню, но не сейчас

–О, всевидящий хаос,-закудаhtал он, снимая свою сюртук и накидывая мне на плечи-Прикройтесь и тогда пойдём. Вы же понимаете. что если ваш отец...

–Нам надо спешить -коротко кинула я

Я оказалась дома-прошла через вход в кухню ,где выкидывали весь мусор ,и оказалась у главной лестницы. Повсюду сновали перепуганные служанки, слышались крики и шумный топот- я пришла слишком поздно. Весь дом на ушах

Всё замерло, когда одна из них заметила меня. остановилась, словно проверяя не дурман ли я. Прежде чем я успела приложить палец к губам, она уже успела издать писклявый крик. Прятаться было бесполезно

Я облегчённо выдохнула- с ним всё было в порядке. А потом снова напряглась- представила, что он сделает со мной. Неужели снова....

Моё внимание привлёк силуэт, выглядывающий из-за спины отца... Я не могла разглядеть ничего ,кроме копны рыжих волос и белой полотняной рубашки. Наверное он из де-

ревни

Но это сейчас неважно -отец приближается всё ближе и его вид не говорит ни о чём хорошем. Брови насупились, взгляд тёмный ,как грозовые тучи. По привычке я выпрямляюсь как струнка и на пару секунд забываю о головной боли

Голос звучит как гром, и , кажется, сейчас полетят молнии
–Катерина-он произнёс только имя, но хотел конечно же гораздо больше, Люди сдерживают его-Что ты тут делаешь

–Отец-я пытаюсь давить на жалость, ведь знаю, что выгляжу сейчас не очень хорошо. Лишь бы не распалить его гнев ещё больше-Это ...это сложно объяснить

–Сложно объяснить....-повторяет он-Что-ж, мы можем обсудить это наедине, без лишних глаз

Я отступила назад. стараясь побороть панику .Сейчас я боялась гораздо больше, чем когда меня навестил незнакомец .Ведь понимала ,что меня ждёт

–Я вышла на балкон -неуверенно сказала я, а затем переборов подкативший к горлу страх прошептала-я просто упала с балкона. Там была такая красивая птица...я потянулась к ней и..-я попыталась выдавить слёзы, но у меня не получилось

Он с недоверием оглядел меня с ног до головы : по его лицу предельно понятно, что он мне совсем не верит

–Тогда почему ты сейчас стоишь передо мной ? И кажется, с тобой всё хорошо

Я подняла на него глаза-молча надеясь , что он поверит

мне .Его взгляд не сулил ничего хорошего, но на хмуром лице вдруг расцвела мягкая улыбка. Вновь затишье перед бурей

–Пойдём поднимемся ко мне и поговорим без лишних глаз-отец шагнул ко мне поближе и я испуганно попятилась .Что угодно ,только не ...

Мне нужно тянуть время -я оглянулась вокруг, пытаюсь найти поддержку. Слуги, ранее беспокойно снующие по поместью, теперь разбрелись по углам, предпочитая не обращать внимания. Лишь этот деревенский долговязый паренёк не отводил от меня взгляда

Он с тревогой смотрел то на меня, то на него и выглядел жутко растерянным. Он явно не ожидал этого

–У нас гость? – как безнадёжно утопающий я схватилась за эту соломинку- Отец, вы оставите его одного ?

Отец, словно очнувшись от дурмана, обернулся

–Айрэн ,на сегодня мы закончили. Приходи когда соберёшь нужную информацию

Парень ответил не сразу, видимо, прокручивая то ,что увидел в голове. Но в конце -концов поклонился

–Мы всегда будем рады видеть вас в Галлири , господин. Будем ждать вас с семьёй на приближающемся празднике

И ушёл. Но перед этим мы успели ещё раз столкнуться взглядами- я как могла старалась отразить всю бушующую во мне панику, но бесполезно. В конце -концов, что он мог сделать

Тяжелая дубовая дверь захлопнулась за мной после того, как смиренно опустив голову, я зашла в кабинет отца. Пропахшая насквозь дубовым запахом комната, где всё лежало на своих местах, должна была внушать спокойствие.

Но меня она каждый раз приводила в панику

Став напротив меня, отец открыл полку под рабочим столом. Я вздрогнула, зная что будет дальше

– У тебя есть шанс сказать правду, – ужасающе спокойно произнёс он

Я промолчала в ответ. Мне было нечего сказать-я всего лишь девушка. Девушка у которой нет прав, есть только обязанности. Обязанности перед отцом, перед обществом, перед будущим мужем

– Я не лгу-процедила я, уже зная ,что это бесполезно-неужели вы думаете, что я могу лгать вам ?

Никто со мной больше не церемонился-не скрывая ярости, отец схватил меня за локоть и потащил наверх. Дверь закрылась и мы остались наедине

– Что же с тобой случилось? Скажи в конце концов правду.-прорычал он сквозь зубы

Сопротивляться бесполезно- на каждое оправдание найдётся затычка и в итоге он разозлится ещё сильнее. Словно стою на минном поле-куда бы ни пошла .всё равно прогремит взрыв. Мне страшно и я понимаю, что кара неизбежна, но продолжаю стоять на месте

– Молчишь, – голос повысился на полтона – Молчишь... –

воцарившуюся тишину нарушал размеренный стук его пальцев об дубовое дерево .Но вот, снова тишина

Я опустила голову и сжалась, искренне мечтая уменьшиться, исчезнуть из этого пространства ,даже если это навсегда

–Смотри на меня-вихрем сорвавшись с места и сократив расстояние между нами, отец схватил меня за волосы. Резко,и хоть я и ожидала этого. всё равно поморщилась от резко усилившейся головной боли

–Смотри на меня -прошипел он мне в лицо и капля слюны из его раскрытого рта брызнула мне на щеку .Потребовалось недюжинное усилие чтобы вновь посмотреть в его глаза. Мы были совсем близко-так что я видела расширенные зрачки и сбившееся от гнева дыхание

Я всё ещё молчала, и всё ещё желала исчезнуть.

–Пытаешься уйти от меня?-он натянул волосы сильнее и я едва слышно зашипела, опасаясь что он и вправду вырвет клоч, как в прошлый раз.

Отец обещал, что больше не...

–Запомни меня, маленькая дрянь, ты никогда не уйдёшь от меня

Я молчала

–Ты слышишь меня?,-он наклонился к моему уху и я всё же зажмурилась от отвращения, надеясь что он не заметит

Он отпустил меня так же резко, как и схватил- у меня закружилась голова и я чуть не упала, усилием воли устояв на ногах

–Руки-коротко произнёс он ,своим видом показывая, что не будет ждать, пока я справлюсь со своими эмоциями

–Отец..-наконец открыла я рот,-Прошу...

–Быстро

Дёргаными, неправильными движениями я расстегнула пуговицы и обнажила кожу предплечья. На ней были едва заметные шрамики- маленькие, словно маленький котёнок поцарапал. Это потому что в последнее время я хорошо себя веду

Первый удар я перенесла стойко, я ведь опытный боец

На втором сжала губы, глядя как на рассечённой коже появляются маленькие капельки крови. Я запачкала светлый ковёр

–Говори-отец остановился, глядя на мимо моей воли стекающие по щеке слёзы

–Я правда...-всхлипнула я ...-Правда упала

–Плохо врёшь .Балкон был закрыт ,когда пришли служанки-третий удар был сильнее всех остальных .Он заставил меня едва слышно вскрикнуть

–Отец, прошу...

Удары посыпались слишком быстро- я сжала зубы и попыталась убрать руку, но безрезультатно .Я не смогу так долго терпеть

Удары стали быстрее и ритмичнее, а я сжала зубы так сильно,как только могла. Лишь бы не кричать

–Отец-я никогда не теряю веры

И вновь удар

–Умоляю,-сказала чуть громче, ощущая как давно сдерживаемый крик прорывается сквозь зубы

–Ты знаешь что делать

Секунда, другая-новый удар и новый взрыв боли. Она на капливается, как шар с водой ,который вот – вот лопнет. Я не выдержу

–Я...я...сбежала....-слова не складываются в предложения, а мир начинает расплываться-Сбежала, потому что хотел посмотреть на окрестности

–Я знал это -отец необычайно ласково убрал прилипшие ко лбу пряди, а затем спрятал в подол своего камзола тоненькую ивовую плётку- тебе не стоит ничего от меня скрывать-я всё равно всё узнаю.

–Да, отец- голос сорвался, и я опёрлась об книжный шкаф, чтобы не упасть

–Отдыхай-сказал он ,прежде чем закрыть дверь в мою комнату

Лучше бы я умерла. чем продолжала бы жить так ,как сейчас. Спустившись вниз по стене и распластавшись на полу, я постаралась сдержать рвущиеся наружу слёзы

Ничего-успокоила я себя-сначала всегда больно, потом привыкаешь

Я не знала что мне делать-так было всегда .Я выросла среди заоблачных требований и жестоких наказаний и каждый раз говорила себе, что найду способ в следующий раз не по-

пасть в ту же западню. Я жёстко плачу за ошибки. а не ошибаться не получатся

Я правда пыталась быть хорошей дочерью-до тех пор пока не поняла, что это бесполезно .Он всегда находил, к чему придраться

Может быть было бы правильно убить меня тем вечером? Это было бы определённо легче, чем продолжать жить

Я могла бы сбежать-снова мелькает непрошенная мысль, и как бы я не пыталась её прогнать, она намертво прилипла к сознанию. Я живу с этим человеком всю жизнь и прекрасно понимаю. что никогда не смогу избавиться от его влияния-даже если я скрою имя и сяду на корабль контрабандистов. как тогда в день моего четырнадцатого дня рождения .

Надо душиить саму идею на корню. чтобы потом не было слишком больно .Может быть всевидящее око великого отца знает, зачем я родилась в этот раз .Чем я согрешила в прошлом воплощении, что заслужила такую жизнь?

Я не помню ,как уснула(или попросту потеряла сознание от продолжительной боли) тем вечером-главное что у меня получилось отгородиться от жутких воспоминаний. Помню только ,как проснулась утром от настойчивого стука в дверь и не смогла даже подняться с постели от невыносимой головной боли

Мир начинал расплываться всё сильнее ,но я всё же смогла почувствовать ,как кто-то щупает мой пульс и быстрыми движениями рук закатывает мои пропитавшиеся кровью ру-

кава

Я удивительно отчётливо слышу его долгий пронзительный вдох. Однако он молчит-и мне это нравится. В словах нету смысла

Чьи-то сильные руки помогают мне приподняться и заставляют открыть рот-я чувствую под своим языком горький привкус пилюли . А затем снова засыпаю

С трудом разлепляю опухшие веки ,пытаясь распознать очертания окружающего мира

Я лежу посреди множества подушек, заботливо укрытая объёмной периной-это мешает мне нормально двигаться,. Всё ещё очень хочется спать-наверняка лекарь дал мне какую травяную пилюлю .Слышу чей-то испуганный вдох рядом со мной и осознаю, что не совсем одна

Долговязый паренёк вскакивает и я поворачиваю голову, чтобы наконец то хорошенько рассмотреть его внешность. Этот крестьянин..... определённо был бы настоящим красавцем, если бы нормально питался. Зелёные глаза сверкают, хоть и скрытые наполовину отросшими непослушными рыжими кудряшками .Он бледен как смерть, вероятно потому что боится, и на белоснежной коже очень хорошо смотрятся разбросанные по всем лицу веснушки

Он теребит края своей рубашки

–Госпожа....-он кланяется как то слишком низко, словно я какая то королева,-Как ..как вы себя чувствуете

Мимо воли мои губы растягиваются в усталую полуулыб-

ку- этот паренёк такой смешной

–Ты лечил меня? – недоверчиво щурюсь-Не слишком ли молодой для лекаря?

–У нас тут не выбирают-разводит он руками-Но судя по тому, что вы улыбаетесь, полыневая мазь сделал своё дело

Я слабо киваю.

–Тебе не обязательно сидеть тут со мной .Можешь идти

Он вновь кланяется, но уходить почему то не спешит, мнётся...

–ты что то хотел? Отец не дал тебе денег? – я наконец понимаю. В чём дело- Пожалуйста, спроси Ханну ,она хранит мои сбережения

Он мотает головой, а затем быстро выкрикивает слова, глотая половину из них

–Госпожа. Если нужна помощь,в деревне все знают Айр-эна

Он исчез быстро-я даже не успела понять,что он промямли

Глава 5

Ария никак не может до нас добраться – прошло уже несколько недель, но от неё не пришло даже маленького письма после того, как она следом за мной выехала из Мираклиона. Это была молодая и маленькая профессорша, совсем недавно закончившая высшую курсы и очень лояльная ко мне . Она хотела ,чтобы я поступила на лекарское дело,

а потому помогла бы получить высшие баллы по всем предметам в учебной грамоте.

Но она испарилась-ради того, чтобы узнать новости, мне даже пришлось самой заговорить с отцом. Как обычно, он даже не подходил ко мне несколько дней пока я воостанавливалась и не могла приходить на тренировки, так что я сама нанесла визит в его кабинет ранним утром, пока он ещё не успел уехать

В мою дверь постучали и я быстро спрятала под перину небольшой грифельный набросок

—Госпожа, ваш отец кое-что хочет передать вам-,раздался бойкий голос Ханны. За время, проведённое в новом месте она оживилась и осмелела.

—Пускай заносят- я закрыла раскрытое окно, выходящее на балкон ,и отворила дверь

Скоро мне нужно будет заводить отдельные покои для нарядов ,подаренных отцом. Какой смысл в красивых тряпках тут- я даже не взглянула на содержимое большого сундука, который с трудом втащили в помещение двое грузных мужчин.

Выпроводив их, я вновь прикрыла дверь-так. чтобы я точно слышала, что кто попытается войти .На выходе в лоджию тоже теперь стоит засов. Я не могу позволить повторится тому что произошло

Я одета в лёгкое льняное платье, похожее на то. что носят мои служанки в жаркие летние дни- тут.в лесу, последнее

время исключительно много солнечных дней, и кажется, что сейчас уже третья восходящая луна, хоть это и не так. Под моей лёгкой юбкой спрятана маленькая тренога и два остро заточенных кинжала

Я знаю, что отец здесь не просто так- он не объяснял, почему я должна уехать, но я догадывалась. Отец уже брал меня раньше в длительные поездки- правда, это было когда я была совсем маленькой. Но я помню, что почти каждый раз они заканчивались зачисткой и мучительной казнью предателей

Он что-то ищет и это что-то очень важное, раз мы уехали так надолго. Этот мужчина... он явно как то связан с этим. И я почти уверена, что он маг

И почему я не смогла перерезать ему глотку той ночью? Не пришлось бы сейчас искать его и прятаться по углам. Не пришлось бы просить отца усилить мою охрану...

Представляю, как будет чувствовать отец, когда узнает правду. Когда я отловлю эту тварь, её смерть не будет быстрой. Жаль только, что он родился таким красивым

Оставшись одна, я наконец достала наскоро припрятанное небольшое полотно- на нём только начинали проявляться первые несмелые наброски, но думаю, ко мне были бы вопросы, если бы кто то заметил мужской портрет. Поставив холст на каменную подставку, я взяла в руки небольшой остро заточенный грифельный карандаш и стала прорисовывать тщательнее

Я расплывчато помнила того, кого хотела нарисовать, по-

этому многое добавляла от себя-сама придумала детали его странного одеяния, из головы взяла и длинный тонкий нос. Словно я одновременно точно помнила его и никогда не сомневалась в нашей встрече, но при этом никак не могла собрать детали пазла в одно целое

Лишь одно я помнила отчётливо-глаза. Они преследовали меня во снах каждую ночь. Каждый раз в этих снах неизменно было одно-я падала в бездну, беспомощно размахивая руками, а глаза крепко хватали меня за руку

И вот, в тот момент, когда я уже начинала чувствовать спокойствие ,обеими ладонями обхватывая протянутую мне в ответ ,вновь падала. А перед глазами были лишь глаза-холодные и жестокие, словно говорящие про то

Каждый раз ,просыпаясь в холодном поту после таких кошмаров, я не могла даже подняться кровати- головные боли, раньше беспокоившие меня пару раз в месяц, теперь проявлялись каждый день. Я всё ещё принимаю лекарство от лекаря из Мираклиона, но кажется из-за постоянно обуревающей меня тревоги и страха оно больше не помогает

Не знаю. сколько я протяну ,если так оно и будет продолжаться. Мне нужно как можно скорее найти его .И я знаю, что отец желает того же.

Иначе бы он не уходил с рассветом и возвращался бы поздней ночью. Иначе бы не ходил мрачный как туча, и не расспрашивал бы местных. Иначе разрешал бы мне выходить из дома

Мне очень хотелось выяснить, кто же он, однако я не начинала прямых действий. Возможно он наложил чары на кого-то из слуг и следит за нами, а может быть он и сейчас где-то рядом, летает, обратившись в чёрного ворона или огромного филина. Он опасен и может убить меня, а я не настолько глупа, чтобы действовать в открытую-этим занимается мой отец

Я действовала издалека-ненароком спрашивала у слуг, не замечали ли они чего-нибудь странного, исследовала каждый угол и листала книги в небольшой библиотеке около отцовского кабинета

Пока безрезультатно .Но я не сдамся ,пока не докопаюсь до истины. Или я была бы не я

Мне нужно как-то выбраться. Если буду постоянно сидеть в поместье ,то никогда не докопаюсь до истины. Я могу только ходить из угла в угол и строить догадки, а это совершенно бессмысленно

Спускаюсь к ужину-отец уже сидит за столом и аккуратно потягивает вино из бокала. Он увлечён свитком, который держит во второй руке ,так что он не сразу замечает, что я сажусь рядом.

Хрустальный бокал аккуратно опускается на стол ,но я вздрагиваю даже от этого мимолётного движения и отец хмурится, глядя на мою полную тарелку

–Катерина...-он выдерживает паузу, прежде чем продолжить говорить,– Ты освоилась на новом месте?

–Конечно, отец-машинально отвечаю я

– То ,что я хотел с тобой обсудить-он прочищает горло и снова делает маленький глоток, а я пытаюсь осилить хоть маленький кусочек рагу-Только не пугайся

Напрягаюсь всем телом, ожидая подвоха

–Ария пропала-отец говорит сразу и по делу,-Оказывает-ся она выехала уже пару недель назад. Телеграмма дошла только сейчас

Казалось .вместе с рагу, я проглотила своё сердце.

–И что теперь будет? Вы поедете её искать?-впервые за этот вечер я посмотрела ему в глаза

Стоит ли мне сказать отцу? Может быть всё это зря-я сжала ткань платья под столом, пытаюсь правится с напряжением, но оно никак не отпускало, сжав свои путы около моего горла и никак не желая выпускать

–Конечно, я не могу оставить это без внимания-отец аккуратно вытер рот белоснежным полотенцем, и продолжил-Мне придётся уехать на пару дней

Столь смешанные эмоции я не испытывала очень давно-то, что отец уезжает ,означает то, что я возможно смогу устроить вылазку в деревню. Но Ария, моя бедная дорогая Ария

–Не беспокойся, я усилю твою охрану. Никто не посмеет тревожить тебя- спокойно произнёс он ,поднимаясь со стола и оставляя после себя полупустую тарелку- Надеюсь, я вернусь к сроку

Я опустила глаза в тарелку, нанизывая овощи, но в последний момент решила спросить

– Отец, – он обернулся так быстро, словно ждал что я спрошу, – А что будет с моим обучением в академии

Мне показалось или на его лице появилось некоторое подобие улыбки

– Я разберусь

Дверь закрылась и я закрылась одна. Со стороны казалось, что я совершенно раздосована отъездом отца, но на самом деле в моей голове уже зрел план

Глава 6

Я сидела на подоконнике, задумчиво глядя на Ханну, которая перестилала мою постель.

– Ханна, – прыгнув с подоконника, я подошла поближе. – Как тебе на новом месте? Уже освоилась?

Она бросила на меня быстрый, пугливый взгляд и засуетилась.

– Конечно, – поспешно ответила она. – Тут живут очень хорошие люди.

– Хорошие люди... – тихо повторила я и придвинулась ещё ближе. – Ты ведь уже ходила в деревню?

– Д-да... – Казалось, я была слишком настойчива; да и вообще, с этой бездной... – Я хожу за молоком и яйцами.

От неожиданно подвернувшейся удачи я даже подпрыгнула от радости, чем окончательно перепугала несчастную.

Отойдя на безопасное расстояние, чтобы не спугнуть добычу, я распахнула один из маленьких, неприметных сундучков, что пылились в углу. На солнце сверкнули начищенные ионы

У меня не было собственных денег, вернее, мне их никогда не давали. Я могла купить всё что угодно, но желание иметь что-то на черный день взяло верх. Так я и вела подпольную торговлю отцовскими подарками через нескольких молодых профессоров-девушек.

– Ханна, – вкрадчиво прошептала я, поднося деньги к её лицу. – У меня для тебя есть работа. Заплачу хорошо...

Одежда служанки сильно пахнет потом, порошком для стирки и пережаренным маслом, но мне не до этого. Я гораздо выше Ханны, но её платье висит на мне как мешок. Прикрыв лицо защищающим от солнца платком, я направляюсь к выходу, где тихо переговариваются скучающие мужчины.

Буду надеяться, что они недавно на службе у отца. «О, всевидящий отец, помоги мне выбраться. Если моя затея раскроется... боюсь даже думать, что случится».

Опустив голову, я проскальзываю между ними так быст-

ро, как только могу.

– Куда? – полусонным голосом окликает меня один из них, преграждая путь огромной рукой.

– За молоком, в деревню, – не поднимая головы, бормочу я, стараясь изменить голос.

– Чтоб до заката вернулась, – мужчина освобождает проход, но ещё долго меня преследует ощущение липкого, цепкого взгляда, будто кто-то неотрывно следит за мной со спины.

Спускаюсь по крутому холму, спотыкаясь о длинную юбку, – платок загорает обзор. Поэтому, отойдя подальше, я с упоением срываю его. Сегодня солнечно, и я чувствую, как по лбу стекают капельки пота. Первые несколько минут я не могу поверить, что всё действительно получилось.

Совсем рядом кипит жизнь, но я пока не в деревне. Понятия не имею, куда идти, чтобы найти этого парня... как его... Арвена.

Неподалёку резвятся дети – кто-то соорудил для них деревянные качели. Самые простые: две перекладины и потрёпанная временем верёвка, привязанные к широкой ветви мощного дуба.

Моё внимание привлекла одна девочка – она была одета в лёгкое полотняное платье с вышитыми на груди узорами. На

заплетённых в простую косу светло-рыжих, выгоревших на солнце волосах красовался небольшой веночек из васильков.

Она без остановки носилась по поляне – веночек подпрыгивал у неё на голове, пока не слетел и не упал на землю.

Я тут же бросилась за ним, не думая о том, что постиранной юбке, мгновенно испачканной дорожной пылью, и успела подхватить веночек.

Желая вернуть его владелице, я направилась к детям. Однако при моём приближении детвора бросилась кто куда. Мне осталось лишь удивлённо всплеснуть руками и крикнуть им вслед

– Эй, это ведь твоё! Я просто хочу вернуть! – крикнула я, но дети уже разбежались.

Девочка пряталась за шершавым стволом берёзы; из-за него высывалась лишь маленькая головка с рыжими, будто мед, волосами. Глаза, широкие от любопытства и страха, разглядывали меня с безопасного расстояния.

– Вы не похожи на ту злую тётю... – донёсся до меня слабый, словно шелест листвы, голосок.

«И где же взрослые? – пронеслось у меня в голове. – Неужели дети предоставлены сами себе, как придорожные сорняки?»

– Потому что я не злая. Я просто хочу вернуть тебе твой веночек, – мягко сказала я, протягивая руку с васильками, но

не делая ни шагу вперёд, чтобы не спугнуть.

Остальные дети исчезли, будто сквозь землю провалились. Лишь издалека, из-за плетёного забора, за нами наблюдали любопытные макушки. Но здесь, на поляне, она осталась со мной одна. Будь рядом кто-то из старших, они наверняка бы её отозвали, но детская безмятежность оказалась сильнее страха. Девочка нерешительно сделала шаг, потом другой.

В этот момент тишину пронзил резкий, срывающийся от волнения женский крик:

– Айрис! Ни шагу ближе!

Малышка замерла как вкопанная. К нам, поднимая облачко пыли, стремительно приближалась женщина; в её осанке, в размахе рук безошибочно угадывались материнские черты. Подбежав, она грубо оттянула дочь за спину, заслонив её собой, как птица-наседка.

– Держись от неё подальше! – её голос звучал решительно, но я уловила в нём хрустальные нотки отчаяния и животного страха.

– Я всего лишь хотела отдать веночек, – снова попыталась объяснить я, протягивая цветы.

Женщина зло, с ненавистью глянула на меня, одним движением выхватила веночек и, не глядя, швырнула его под ноги. Хрупкие васильки с хрустом помялись о землю. Девочка громко расплакалась.

– Не тронь её, Айрис! Не смей даже смотреть в её сторону! Я не позволю дочери брать в руки то, что осквернила ведьма! – она произнесла это с каким-то странным придыханием, одной рукой медленно и успокаивающе глядя голову плачущего ребёнка.

Я почувствовала, как по телу разлилась горячая волна ярости. Кулаки сжались сами собой. «Ведьма? Она назвала меня ведьмой?» Даже мой отец, со всей своей непреклонностью и суровостью, никогда не опускался до таких грубых, деревенских суеверий. А эта... эта простая женщина...

– Госпожа! – до меня донёсся взволнованный, перехваченный крик.

Только теперь я разглядела стремительно приближающийся силуэт, купающийся в золотистых лучах полуденного солнца. Фигура отчаянно размахивала руками, и я не могла понять – то ли это жест приветствия, то ли отчаянная попытка предупредить о чём-то.

– Госпожа... – прошептала женщина, и её лицо побелело, как мел. Она судорожно вцепилась в плечи всхлипывающей дочери, прижав её к себе, и, уткнув взгляд в землю, еле слышно повторила: – Госпожа...

Не успела я моргнуть, как она рухнула к моим ногам, подняв облако едкой дорожной пыли.

– Госпожа, простите, простите глупую, неразумную крестьянку! – её голос дрожал, но в нём появилась какая-то истовая решимость. – Пусть Бездна поглотит меня живьём, ес-

ли мои необдуманные слова хоть на йоту задели вашу честь!

– Содалия! – Айрэн, запыхавшись, подбежал к нам, и тут меня осенило, кого эта женщина мне смутно напоминала. Черты лица, разрез глаз... – Что ты на этот раз натворила?

– Пусть встанет, – я старалась, чтобы мой голос звучал мягко и величественно, хотя внутри всё кипело. – Я не держу зла на... тех, кто защищает своих близких

Она вскочила с земли с той же стремительностью, с какой и упала. Эта непредсказуемая резкость в её движениях – от яростной атаки до подобострастия – пугала меня куда больше, чем прямая угроза.

Женщина, Содалия, заметно приободрилась, сделав шаг вперёд, явно собираясь что-то сказать, возможно, оправдаться, но Айрэн мягко, но твёрдо взял её за локоть.

– Давайте укроемся от этого палящего солнца, – предложил он, его взгляд скользнул по мне, по Содалии, по собравшимся вдали зевакам. – В доме будет спокойнее. Здесь не самое подходящее место для разговоров.

Дом семьи Айрэна действительно возвышался над остальными скромными постройками деревни. Конечно, не так, как мрачное родовое поместье, но достаточно, чтобы его можно было заметить издалека. Стены из массивного, тёплого песчаника казались продолжением самой земли, они источали спокойствие и надёжность. Левый фасад почти полностью утонул в объятиях старого плюща, чьи тёмно-зелёные кожистые листья десятилетиями оплетали камень, со-

здавая живой, дышащий ковёр. А правая сторона... Правая сторона была полной противоположностью – она сверкала и переливалась, словно грубая, но страстно обработанная драгоценность. Солнечные лучи играли на затейливой мозаике, собранной, как я позже узнала, из осколков цветных стёкол и зеркал, оставшихся от других работ. Она была простовата, но в этой простоте была своя, искренняя магия. Круглые, словно глаза, окна выглядывали из-под резных деревянных наличников, а над всем этим великолепием парил изящный кованный балкон, странным, но прекрасным образом смягчая суровую мощь каменных стен.

– Нравится? – в голосе Айрэна, когда он заметил моё замороженное выражение лица, промелькнула неподдельная, глубокая гордость.

– Когда в вещь вложена душа, это всегда чувствуется, – выдохнула я, не в силах оторвать взгляд от игры света. – Это... ваших рук дело?

– Мы с отцом трудились над этим вместе, – его глаза затуманились тёплой дымкой воспоминаний. – Мне было всего пять, я, конечно, больше мешал, чем помогал, но какая теперь разница? – Он с лёгким усилием толкнул тяжёлую, дубовую дверь, украшенную кованными узорами. – Добро пожаловать в наше скромное гнёздышко, госпожа.

– Какой необычный дом... – прошептала я, переступая порог владений семьи Ладори. – Я ничего подобного раньше не видела. Это... очень красиво.

Просторную гостиную заливал щедрый солнечный свет, лучи которого падали сквозь большие круглые окна. В центре комнаты стоял огромный, почти белый от времени и солнца диван, утопающий в горах пёстрых, ярких подушек. Стены были расписаны причудливыми узорами, которые, если вглядеться, складывались в целые истории – то ли сказки, то ли хроники этой семьи. Я смотрела на всё это с немым восхищением. Каждая вещь в отдельности казалась простой и чужеродной, но вместе они создавали удивительно гармоничную, симфоническую картину уюта и жизни.

– Айрэн! – раздался резкий, звонкий голос, нарушивший очарование. Из глубины дома, из-за угла, вышла невысокая, худощавая девушка-подросток лет тринадцати. Её тёмные волосы были небрежно собраны, а в глазах горел вызывающий огонёк. – Куда ты так резко умчался? Неужели что-то случилось с Айрис? – Её взгляд сразу же упал на меня, и брови поползли вверх. – Эта... чертовка опять что-то натворила?

Она была очень красива, как и, казалось, все члены этой необычной семьи. Одетая девушка была в простое платье, похожее на наряд Содалии, но черты её лица отличались разительно – были более резкими, выразительными. Большие пухлые губы, небольшой вздёрнутый нос и огромные, лучистые глаза – вот что бросалось в глаза при первом же взгляде. Это смелое, нестандартное сочетание придавало её внешности особую, притягательную изюминку.

Содалия же казалась воплощением женственности и мягкости – её черты, в отличие от младшей сестры, не стремились доминировать, а были удивительно гармоничными и сдержанными: тонкие, поджатые губы, прямой изящный нос и такие же, как у сестры, большие глаза цвета весенней листвы. Обе девушки, каждая по-своему, были прекрасны.

Что-то подсказывало мне, что их характеры окажутся столь же разными. Эта девочка – Ризанна – не выказывала и тени страха; наоборот, несмотря на явное удивление, отразившееся на её лице, она почти сразу же одарила меня доброжелательной, чуть озорной улыбкой и тут же перевела внимание на брата.

– Как ты мог скрывать от нас такую красавицу? – девушка откинула за спину толстую, тёмную косу и облокотилась на перила железной винтовой лестницы, ведущей на второй этаж. Её взгляд снова скользнул по мне. – Ты за молоком пришла?

Я уже открыла рот, чтобы ответить, но меня опередил Айрэн. С каждой секундой он выглядел всё более раздражённым и смущённым – казалось, ему было неловко за поведение сестёр.

– Ризанна, ты не понимаешь... – начал он, но и его речь прервал новый звук.

Громкое, нетерпеливое шлёпанье пятками по ступеням

возвестило о появлении ещё одной девочки, на вид чуть старше Айрис и до боли на неё похожей. Отличали их в основном рост и основательно перепачканное землёй и чем-то ещё личико новоприбывшей. Девчушка громко завопила, размахивая руками:

– Брат привёл домой девушку! – она радостно захлопала в ладоши, разглядывая меня с нескрываемым любопытством. – А ты теперь будешь с нами жить? А откуда ты? Ты богатая? Ты не похожа на обычную служанку! – она снова захлопала в ладоши, на этот раз ещё и подпрыгивая на месте, словно заведённая юла.

Айрэн тут же подошёл к ней и, ловко достав из кармана небольшой платочек, принялся ласково вытирать её лицо, нежно приговаривая:

– Где ты умудрилась так измазаться, Лианна? Опять что-то выдумывала?

Девчушка стыдливо опустила глаза и принялась тереть свою косу, устремив взгляд куда-то в пол. Айрэн приобнял её за плечи и тихо что-то спросил, но она лишь покачала головой и вдруг еле слышно захныкала:

– Ты... ты опять будешь ругаться... Просто не ходи наверх, ладно? Разве сложно остаться жить на первом этаже? Он протяжно вздохнул, на мгновение отвернувшись, но

когда его взгляд снова упал на сестру, на лице не осталось и следа прежнего раздражения. Он ласково потрепал её по голове и обратился к Айрис, которая мирно сидела в углу, уткнувшись в какую-то книжку с картинками:

– Айрис, поговори, пожалуйста, с сестрой, пока я схожу наверх и наконец узнаю, что же такого она на этот раз натворила. Судя по всему, только ты сможешь её надоумить.

Девочка с неохотой оторвалась от, по-видимому, очень увлекательного сюжета, покачала головой и с видом глубокомысленного взрослого подошла к провинившейся сестре.

И тут этот милый, казалось бы, ребёнок сделал нечто, чего я никак не ожидала – нечто, что вырвало у меня изумлённый вздох, а у остальных – взрыв смеха. Подумать только – она отвесила ей звонкий подзатыльник! Да ещё какой – апофеоз материнской строгости! Звук разнёсся по всей комнате.

Однако Лианна не выглядела обиженной или удивлённой – наоборот, это, казалось, её лишь развеселило. Она скорчила младшей сестрёнке забавную рожицу и рассмеялась.

Сейчас, когда они стояли рядом, я наконец смогла разглядеть, насколько они похожи. Если бы не разница в росте и свежесмазанное лицо Лианны, их можно было бы принять за близняшек.

Айрис же, нахмутив брови, с подлинно материнской суровостью изрекла:

– Неужели ты снова умудрилась набедокурить? Каждый день ты выдумываешь что-то новое! Неужели нельзя провести хоть один единственный день без происшествий, находясь с тобой в одном доме?

Тут уж не выдержала и я. Зрелище было комичным до слёз: сведённые «домиком» на переносице брови, старательно выстроенная серьёзная гримаса и суровый взгляд – всё это придавало маленькой хозяйке положения невероятную комичность.

Следом за мной раздался смех остальных сестёр. Даже сама Айрис не смогла долго держать маску – уже через секунду вся её напускная строгость растаяла, сменившись звонким, беззаботным детским смехом. Смеялась, конечно же, и Лианна.

Среди этого всеобщего, заразительного веселья я почувствовала что-то необычное, то, чего не ощущала, кажется, никогда, – какое-то странное, согревающее изнутри тепло в груди, лёгкость.

Я и не заметила, как потеряла Айрэна из виду. Он ускользнул совершенно незаметно для всех, под занавес этого внезапного хаоса, и его исчезновение резко напомнило мне о истинной цели моего визита.

– Так кто ты такая? – когда смех наконец утих, Ризанна обратилась ко мне с прямым, открытым взглядом. – Если за молоком, то тебе не к нам. И куда делась та девчонка, что раньше от поместья в деревню ходила?

Содалия, мягко отодвинув младших сестёр, вышла вперёд и что-то быстро прошептала Ризанне на ухо. Шёпот заставил ту резко взглянуть на меня, и на её смуглом лице проступила краска смущения.

– Госпожа, простите за мою дерзость, – она сделала неловкий поклон, но в её голосе всё ещё слышалась едва уловимая, острая нотка насмешки. – Кто ж знал, что вам угодно наряжаться в платья служанок?

– Люди, живущие здесь, не привыкли иметь дело с особами моего круга, – парировала я, поймав её взгляд. – Так что я совсем не виню её за некоторую дерзость.

– Я пришла по делу к Айрэну, – спокойно добавила я. – У нас с ним есть некие вопросы.

– Тогда вам на второй этаж, – кивнула Содалия, её тон стал почти официальным. – Первая дверь слева – его кабинет. Он, скорее всего, сейчас там.

Поднявшись по крутой винтовой лестнице, я оказалась в узком, погружённом в полумрак коридоре. Его освещал лишь тусклый, колеблющийся свет одной-единственной догорающей свечи, отбрасывающий причудливые тени на стены.

Кабинет я нашла довольно быстро – из-под двери, открытой на тонкую щель, сочилась узкая полоска жёлтого света. Я осторожно постучала костяшками пальцев.

– Войдите, – прозвучал голос Айрэна. Но он звучал ина-

че – устало, отстранённо, словно это говорил совсем другой человек. Это несоответствие сбило меня с толку, но я всё же мягко нажала на ручку и открыла дверь.

Моему взору предстала небольшая, но удивительно уютная комната. Весь её интерьер составляли два небольших диванчика, обтянутых потертой кожей, и массивный рабочий стол, буквально заваленный книгами и свитками. На стене рядом со столом была приколотая целая мозаика из многочисленных записок, наложенных друг на друга; все они были исписаны неразборчивым, стремительным почерком. Несмотря на творческий беспорядок, в комнате царила особая атмосфера: тут горел мягкий свет, а воздух был густо пропахан ароматом старой бумаги и ладана.

Айрэн сидел на одном из диванчиков, склонив голову над развернутым свитком и старательно пытаясь стереть что-то с его поверхности. Я подошла ближе и с изумлением ахнула – длинный лист, сплошь заполненный аккуратными записями, был от края до края испещрен детскими рисунками. Девочка проделала огромную работу: я смогла разглядеть множество животных, цветы самых разных видов и, конечно, стилизованные портреты членов семьи – всё это было заботливо подписано кривыми буквами.

Айрэн и не думал замечать моего присутствия – он был настолько поглощён своим занятием, что, не поднимая глаз, бросил в пространство:

– Кто там?

– Я не хотела вас отвлекать, – тихо произнесла я. – Вижу, вы очень заняты.

Он слегка вздрогнул и тут же вскочил с кресла, выронив свиток. Я мгновенно наклонилась, чтобы его поднять.

– Ну вот, – заметила я, разглядывая пергамент. – Мало того что разрисованный, так ещё и помятый. Со столь ценными вещами стоит обращаться аккуратнее.

– Бросьте его, – он махнул рукой. – Его уже не спасти. Только руки испачкаете. – Он всё же аккуратно забрал свиток из моих рук.

– Там было что-то важное? – спросила я.

Он лишь покачал головой, и в этом жесте читалась глубокая досада.

– Уже не важно. Ничего, у меня ещё будет время переписать его заново, – он старался скрыть огорчение, но оно явно проступало в каждом слове.

– Но я же вижу, как вы расстроены, – я легонько дотронулась до его плеча. Я не планировала этого жеста – моя рука потянулась к нему сама собой, повинувшись внезапному порыву.

– Давайте не будем обо мне, – он выдавил вымученную улыбку. – Лучше расскажите, с чем пожаловали.

И вот настал этот момент. Пока я планировала свой поход в деревню, я мысленно репетировала, как буду всё ему объяснять, чего хочу добиться. Но теперь слова казались неубедительными.

Обернувшись, я прикрыла дверь и посмотрела Айрэну прямо в глаза. Я не была уверена, что могу ему доверять полностью, а потому решила скрыть часть деталей.

– В последнее время я чувствую себя не очень хорошо... – начала я, но загнулась, встретив его взгляд. Он смотрел на меня с такой искренней, неподдельной тревогой, что мне самой стало не по себе. Он приблизился.

– Присядьте, пожалуйста, – он пригласил меня на один из диванов. – Госпожа, опишите, пожалуйста, ваши симптомы подробнее.

– Они появляются только ночью, обычно за пару часов до рассвета. Меня мучают кошмары, и всякий раз, когда я просыпаюсь после такого сна, у меня раскалывается голова. Наверное, это от того, что я очень мало сплю... – мне стало неловко под его пристальным, изучающим взглядом. Он лишь кивнул и принялся что-то быстро записывать в лежащий на столе блокнот. Я наклонилась, пытаюсь разобрать почерк, но мелкие, угловатые буквы больше походили на таин-

ственные руны.

– Опишите подробнее, что именно вы чувствуете, – мягко попросил он, не отрываясь от записей.

Я закрыла глаза, стараясь быть максимально честной. Это было непривычно и сложно. Раньше, в городе, меня лечили только лучшие доктора. Я никогда не сидела в тесной комнате, пропахшей дешёвыми чернилами и ладаном, и не поверяла свои недуги простолюдину.

«Мне не нужна его помощь, – напомнила я себе. – Я должна завоевать его доверие. Сделать так, чтобы он стал моим инструментом. Чтобы слушал отца, но прислушивался ко мне. Нужно его разжалобить».

– Я чувствую страх, будто всё моё тело сковано цепями. Голова тяжёлая, налитая свинцом, и это мешает подняться. А ещё... меня будто сдавливают с двух сторон невидимые тиски, – я выдохнула, вспоминая каждую злополучную ночь. – И чем ближе рассвет, тем сильнее болит голова. Но стоит первым лучам солнца проникнуть в комнату – всё как рукой снимает.

– Удивительно, – тихо прошептал он, скорее себе, чем мне. – Никогда не сталкивался с подобным.

Встав, он подошёл ко мне вплотную.

– Честно говоря, я склоняюсь к тому, что ваши физические недомогания напрямую связаны с кошмарами. Не мог-

ли бы вы рассказать, что именно вам снится?

Я смутилась: как он смеет спрашивать о таком? Внутри всё закипело от возмущения, но я сдержалась, помня, что язык – причина всех моих бед.

– Зачем вам это знать? – наконец выдавила я. – Неужели нельзя просто дать какое-нибудь снотворное?

Он присел на корточки, и наши глаза оказались на одном уровне. Я инстинктивно отодвинулась на край кресла, поджав ноги, стараясь увеличить дистанцию.

– Послушайте, вы можете рассказать мне всё и быть абсолютно уверенной, что я никому не открою ваши тайны. Даже под страхом смерти, – он склонил голову. – Будь я проклят, если хоть словом смущу вас, госпожа.

Я отвернулась, на секунду прикрыв веки. И снова передо мной возникла та пронзительная, ледяная голубизна. Я тут же открыла глаза и тряхнула головой, стараясь отогнать навязчивое. «Это выходит из-под контроля. Порой мне кажется, что всё, произошедшее той ночью, – не более чем плод моей фантазии. И эта мысль сводит меня с ума».

Когда я снова открыла глаза, Айрэн всё так же не отводил взгляда. Мы уставились друг на друга, и я не собиралась отступать первой. Веки пересохли, но я продолжала смотреть. У него были красивые глаза – зелёные, с золотистыми вкраплениями. Но они не шли ни в какое сравнение с теми, что

преследовали мой разум.

– Тайну за тайну, – вдруг произнёс он. – Я могу рассказать вам кое-что, что вам определённо будет интересно. Убийства, – выдохнул он.

От такой неожиданности я не смогла сдержаться и моргнула. Быстро, почти незаметно.

– Вам не следовало соревноваться со мной во взглядах, – с лёгкой, победоносной ухмылкой констатировал он.

«Дать бы ему пощёчину! Всыпать бы розог!» – пронеслось у меня в голове.

– Всё было честно, – спокойно парировал он, снова усаживаясь в кресло. – Вы моргнули, – он шутливо погрозил мне пальцем.

– Знайте своё место! – я не совладала с гневом. – Мало того что допытываетесь у госпожи, так ещё и смеете бросать ей вызов! Такое чувство, что вас никогда как следует не секли!

Между нами повисла тягостная пауза. Я ждала извинений, но он молчал.

– Что ж, – резко развернувшись к нему спиной, я направилась к двери. – Видимо, мне придётся вызвать доктора из соседнего города.

Он заговорил лишь тогда, когда моя рука уже лежала на дверной ручке.

– Странности начались около полугода назад, – его голос прозвучал тихо, но чётко. – Пропал первый ребёнок. Девочка. Ей было три года

Я обернулась так резко, что закружилась голова. Он и вправду оказался полезным.

– Мы... – он на мгновение замолк, собираясь с силами, – нашли тело совсем недавно. Вернее сказать, оно само нашло нас.

Я понимала, к чему он клонит, – никому не хотелось говорить это вслух.

– Мы не можем точно сказать, ведь тело прибило к берегу в ужасном состоянии. – Он резко втянул воздух носом, прежде чем продолжить. – Она лежала на мокром песке, неестественно скрюченная, будто кукла с переломанными суставами. Розовое платье, когда-то выцветшее от солнца, а теперь прогнившее до лохмотьев, обвисло на почерневшей коже. Волосы, некогда заплетённые в две жёсткие косички, теперь слиплись в серую массу, усеянную ракушками. Лицо – если это ещё можно было назвать лицом – напоминало грязную восковую маску: губы съели крабы, оставив оскал жёлтых молочных зубов, а в глазницах копошились черви, будто море не смогло до конца проглотить её детский ужас.

Он схватился за голову, пытаясь справиться с нахлынувшими эмоциями, а я почувствовала, как стена становится

хрупкой опорой.

– Но ведь море... – придя в себя, я начала размышлять здраво.

– Мы искали по всей округе. Спрашивали в соседних городках и поселениях, – ответил парень, и я видела, как сложно ему было говорить. – Мы не знаем, как она попала туда.

– Вы сказали «дети»... – прошептала я. – Не «ребёнок». Она была не одна?

– Это длится уже несколько месяцев. Люди сходят с ума, запирают детей и разрешают выходить лишь на несколько часов и в больших компаниях. Мы всегда были рады гостям, но сейчас не привечаем чужаков. Надеюсь, вы поймёте Содалию.

– Бросьте, – раздражённо кинула я, пытаюсь собрать кусочки пазла воедино – Сколько уже пропало детей .

Он произнёс тихо и чётко

– Больше двадцати. За полгода. Никому не было больше семи. Последний мальчик пропал позавчера.

– Он чеканил жёсткие слова, как монеты. Сомнений нет, тут мы имеем дело с магической сущностью, – он покачал головой, глядя куда-то вдаль. – С очень сильной сущностью, судя по тому, сколько амулетов она испортила.

– Именно поэтому сюда прислали отца, – рассуждала я вслух.

– Он – наша последняя надежда, – произнёс Айрэн, и в этой его фразе мне почудилась такая тоска, что я невольно

содрогнулась. – Но тем не менее, пару дней назад снова было полнолуние и... – он тяжело вздохнул.

– Только не говорите мне, что...

– Снова пропал ребёнок. – Он не выдержал и стукнул кулаком по столу. Я вздрогнула, а он продолжил: – Младенец. Прямо из-под носа у матери.

– Как же так получилось? – отчаянно воскликнула я. – Как она могла не досмотреть?

– Похоже, что её зачаровали. Я был на дежурстве всю ночь. Пусть я умру за свою страшную ошибку! – Он закрыл лицо ладонями и весь как-то сжался.

Кто-то из девочек внизу закричал, окликая Айрэна, и он наконец очнулся от охватившего его транса.

– Я открыл перед вами душу, – тихо произнёс он. – И надеюсь, что те, кому не стоит знать о происходящем, останутся в блаженном неведении и смогут спокойно спать ночью.

– Мне казалось, что вы мне не поверите! – На моих губах в самый неподходящий момент заиграла нервная усмешка. – Возможно, то, что произошло со мной, связано с пропажами детей...

– Я так и знал, что тогда вы соврали господину! – возбуждённо произнёс он. – По вашему лицу было видно, что вас что-то очень сильно испугало.

– Моя преподавательница пропала, – я перевела тему, чувствуя, что пока не готова раскрывать все карты. – Где-то в ваших окрестностях. И ещё мне кажется, что я видела ко-

го-то очень странного тут неподалёку. Я могу ошибаться, – я уже была не уверена в своих же словах.

И снова он резко подался ко мне, обжигая горячим дыханием, – на этот раз я не отстранилась.

– Кто это был? Вы помните хоть что-нибудь? – Вместе с возбуждением в его голосе проскользнула уже знакомая надежда, и мне стало совестно, что я так мало знаю и вряд ли могу чем-то ему помочь.

– Помню только глаза, – я сомкнула веки, пытаюсь максимально подробно восстановить события той ночи в памяти. Память услужливо подкидывала воспоминания. – Тот мужчина был одет в длинную чёрную мантию, и, кажется, у него был глубокий голос.

Я ненароком взглянула на окно – на меня смотрела почти полная луна. Если не вернусь домой сейчас, то точно попадусь охранникам.

– Мне надо идти, – резко подскочила я, но тут же осела обратно. Почему голова вновь раскалывается на тысячи осколков, которые врезаются обратно, стоит мне вспомнить о той ночи?

– Вы не в состоянии встать с кресла, куда же вы пойдёте? – воскликнул он.

– Это не ваше дело, – я выплёвывала слова с трудом. – Просто дайте мне молока, а деньги потом занесёт Ханна.

Дверь распахнулась без предупреждения. На пороге стояла Ризанна, перемазанная в муке, с кухонной тряпкой в руке.

– Госпожа, простите за вторжение, – сказала она, чуть склонив голову, но в голосе чувствовалось нетерпение. – Оладушки стынут, а Айрэн запрещает есть без вас.

– Ризанна, – Айрэн бросил на сестру строгий взгляд, и та сразу выпрямилась, смущённо опустив глаза.

Я попыталась улыбнуться, но губы не слушались. Тело было тяжёлым, будто кто-то невидимый придавил меня к креслу.

– Что с госпожой? – Ризанна шагнула ближе, в голосе – неподдельная тревога.

– Не знаю, – Айрэн сжал кулаки. – Но если ей станет хуже, боюсь нам всем не сносить головы

– Так ты можешь объяснить, что произошло?

Он замер на секунду, потом резко покачал головой:

– Не твоё дело.

Ризанна скривилась, но промолчала.

– Пусть останется у нас, – осторожно предложила она.

– Невозможно. – Айрэн был твёрд. – Помоги ей спуститься. Я приготовлю отвар.

Девушка кивнула и бережно взяла меня под руку.

– Госпожа, давайте я помогу.

Её пальцы были тёплыми и шершавыми от работы – видно, что привыкла к труду. Я оперлась на её плечо, но, поднявшись, тут же закачалась.

– Сода! – Ризанна крикнула так, что в ушах зазвенело.

Через мгновение в дверях появилась Содалия. Увидев ме-

ня, она мгновенно изменилась в лице.

– Что случилось? – Она уже была рядом, её руки – твёрдые и уверенные – подхватили меня с другой стороны.

– На кухню, – коротко бросила Ризанна.

Спуск дался тяжело. Каждый шаг отзывался дрожью в коленях и скрипом очередной полусгнившей ступеньки. Но они несли меня почти на себе, не позволяя споткнуться.

Отвар был невыносимо горьким и обжигал горло. Я невольно скривилась, но Айрэн лишь усмехнулся, не позволяя мне выплюнуть глоток.

– Корень корилады, листья марабы. Наш семейный рецепт от мигрени.

Эффект наступил почти мгновенно – свинцовая тяжесть отступила, а мысли прояснились, будто туман рассеялся.

– Благодарю, – я выпрямилась на стуле, чувствуя, как силы понемногу возвращаются.

– Вам лучше? – Айрэн смотрел на меня пристально, с лёгкой, но заметной тенью беспокойства в глазах.

– Намного.

Я машинально взглянула на часы – и тут же ощутила, как в груди зарождается холодная, цепкая паника. Было уже по-

что ночь – ворота в поместье наверняка закрываются, и я не представляла, как буду объяснять своё отсутствие. Резко поднявшись со стула, я обратилась к Айрэну:

– Прошу, принесите мне молока. И я позаимствую эту чудесную скляночку. Мне пора.

Девочки разочарованно вздохнули, но Ризанна тут же оживилась:

– Значит, оладушки наконец-то пойдут в дело? Правда, Сода?

Та лишь устало провела рукой по её растрёпанным волосам, смиряясь с судьбой.

– Приходите ещё, – неожиданно мягко сказала Ризанна, глядя на меня прямо.

Эти люди вели себя так, будто знали меня всю жизнь. Айрэн тем временем вернулся с кухни с глиняной кринкой молока.

– Вам не стоит идти одной в такую темноту, – предупредил он, протягивая её.

– Да тут рукой подать, – я пожала плечами, а затем, игриво

пришурившись, добавила: – Хотите проводить?

Он улыбнулся, но покачал головой:

– Меня уже ждут на ночном дежурстве.

– Тогда справлюсь сама.

– Содалия! – позвал он сестру, которая уже устроилась на диване с книгой.

Та тяжело вздохнула, словно ожидая этого.

– Что ещё? И почему ты до сих пор здесь? Диклэн тебя уже полчаса ищет.

– Проводи нашу гостью. Она здесь недавно и может запросто заблудиться в темноте.

Содалия медленно перевела взгляд с него на меня, затем без единого слова отложила книгу и потянулась за грубыми рабочими ботинками. Мне стало неловко.

– Не надо, – я дёрнула Айрэна за рукав. – Я сама...

Но он лишь улыбнулся и, не слушая возражений, сунул

мне в руки полупустую склянку с зелёной жижей.

– Это поможет, но совсем ненадолго. Мне нужно время, чтобы понять, чем вы больны, а пока картина слишком размыта.

И прежде чем я успела что-то ответить, он уже ловко выскользнул за дверь.

Оставшись наедине с Содалией, я неловко заёрзала на месте. Она молча накинула плащ, взяла со стола фонарь и коротко кивнула в сторону выхода:

– Пойдёмте, пока совсем не стемнело.

Улица встретила нас вечерней свежестью и густеющими сумерками. Содалия шла чуть впереди, уверенно освещая дорогу колеблющимся светом фонаря.

– Как вам живётся здесь? – спросила я, чтобы разрядить тягостное молчание. Вопрос прозвучал настолько банально, что на него можно было и не отвечать.

– Я родилась тут и, скорее всего, здесь же и умру, – ответила она, не замедляя шаг. – Мне не с чем сравнивать. Но я бы не хотела жить в городе.

– Почему же? – я искренне удивилась.

– Ну... – она на мгновение задумалась. – Мне нравится моя жизнь такой, какая она есть. В городе я не смогла бы жить так, как привыкла. Я была рождена для замужества и тихой жизни в глуши, и даже если это не самый лучший удел для такой, как я, по-другому не получится. Я знала это с детства. Мать твердила мне об этом с пелёнок, а отец никогда не перечил.

– А ваши родители... – я не успела закончить.

Содалия резко остановилась, и в свете фонаря я увидела, как тень пробежала по её лицу.

– Они... – голос её дрогнул, но тут же стал твёрже и ровнее. – Давно ушли. Айрис сейчас пять, а когда мы их потеряли, ей не было и трёх месяцев. Люди в деревне поддерживали нас, но если бы не Айрэн... мы бы не выжили.

Больше она не добавила ни слова. Мы шли молча, и только когда огни моего дома показались впереди, она наконец заговорила снова:

– Здесь, в целом, хорошие люди. И тихо.

– Да? – переспросила я.

– Да. – Она повернулась ко мне, и в её глазах мелькнуло

что-то сложное, чего я не смогла расшифровать. – Доброй ночи, госпожа.

И прежде чем я успела что-то ответить, она уже развернулась и растворилась в наступающей темноте, унося с собой свет фонаря.

Вернулась я незаметно – грузные догласы мирно посапывали, облокотившись на дверные косяки, и не заметили моё возвращение.

Оказавшись дома, я хотела только одного – принять горячую ванну и упасть в постель. День выдался невероятно насыщенный, и, несмотря на бодрящий отвар Айрэна, я чувствовала себя совершенно разбитой.

Отворив дверь спальни, я тут же наткнулась на Ханну. Та, кажется, не сразу заметила моё присутствие – распластавшись на моей постели в моём же домашнем платье, она увлечённо листала роман с яркой, кричащей обложкой.

Зрелище это, вопреки всему, заставило меня, уставшую и помятую после всех приключений, вымученно улыбнуться. Наконец девушка меня заметила – подпрыгнув от испуга, она с громким хлопком захлопнула книгу и принялась лихорадочно поправлять смятое покрывало.

– Ты умеешь читать? – улыбка всё ещё не сходила с моего лица. – Я могла бы тебе одалживать свои книги. Всё равно у

меня куча того, что я уже давно прочитала.

Её глаза зажглись, а щёки порозовели от смущения и внезапной радости.

– Правда? – она засуетилась, закрутившись как пчёлка.
– Госпожа, вы наверняка утомились, позвольте хоть как-то поухаживать за вами.

– Я принесла молока, – добавила я, ставя крынку на стол.
– И узнала много чего интересного. И, кстати, после того как переоденешься, позови ещё кого-нибудь. Я хочу принять ванну.

Позволив себе наконец расслабиться, я отдала себя в заботливые руки служанок – позволила хорошенько вымыть меня, намазать пахучими маслами и уложить в постель.

Однако сон не шёл. Близилась полночь, и знакомый липкий страх начал медленно разливаться по моим венам. «Этой ночью кошмары вернутся...» – в этом не было ни капли сомнения. Я чувствовала, что Айрэн и сам не знает, как мне помочь – его отвары лишь усыпляют симптомы, но не избавляют от корня зла, от этих жутких сновидений и выматывающей головной боли. Я оставила Ханну спать со мной в одной комнате, и, кажется, она была совсем не против. Лишь бы только её здесь никто не обижал. И лишь бы эта ночь поскорее закончилась

А если окажется, что эти боли и вправду убивают меня?

Что это было сегодня? Если уже сейчас симптомы настолько серьёзны, то что будет дальше?

Неужели придётся признаться отцу?

Нет. Нет, нет и ещё раз нет.

Не знаю, сколько я пролежала, погружённая в тревожные мысли, но сон всё же нашёл меня.

В этот раз всё по-другому. Этот кошмар не похож на прежнее. Словно я и не сплю вовсе, а нахожусь в каком-то противоестественном состоянии, наяву, похожем на тот ступор, что я ощутила днём.

Я вроде бы в своей кровати, а вроде бы и нет. Тяжёлый, серый туф окутывает комнату, оседая на плечах незримой тяжестью и мешая дышать. Я не могу пошевелить ни пальцем, ни рукой – моё тело мне не подвластно.

Мне становится до жути страшно. Я осознаю, что сплю, но этот сон ощущается слишком реальным. Словно кошмар наяву, из которого нет выхода.

– Никому... – кто-то шепчет слова прямо в моё ухо, обжигая холодом. – Никому не смей рассказывать, а то пожалеешь. Сгубишь невинного человека.

Я узнаю этот голос – такой низкий, бархатный тембр невозможно забыть. Его слова ввинчиваются в сознание, вытесняя все мысли.

– Я знаю каждый твой шаг, – голос звучит уже отдалённое, и я чётко чувствую, как границы сна начинают дрожать. –

Смотри не оступись.

Я отчаянно пытаюсь открыть рот, издать хоть звук, но, как ни бьюсь, у меня не выходит. Ощущаю себя рыбой, выброшенной на берег, – беспомощной и обречённой.

И хотя я понимаю, что это сон, я отчётливо чувствую, как чьи-то ледяные пальцы едва касаются моей щеки. Я мотаю головой, пытаюсь сбросить это прикосновение, и в ответ слышу лишь короткий, презрительный смешок. А затем – падаю.

Падаю в крошечную тьму, падаю, пытаюсь ухватиться за что-нибудь, но вокруг лишь пустота. Жгучая, всепоглощающая темнота. Она растекается по венам, поражает тело и, наконец, просачивается в самую душу.

Первые несколько секунд я просто лежала, пытаюсь прийти в себя. Всё тело была мелкая дрожь, которую я не могла усмирить. Я зажмурилась, пытаюсь смахнуть непонятно откуда взявшиеся слёзы, и дотронулась до щеки, всё ещё пытаюсь осознать: это реальность, а не очередной виток кошмара.

Опять это жуткое чувство разбитости. Я попыталась приподняться, но едва оторвала голову от подушки, как та же невидимая сила, тяжким грузом, придавила меня обратно.

«Наверное, я не проживу долго», – промелькнула у меня в голове леденящая мысль. С каждым разом боль накатывает всё сильнее, а моё сопротивление становится всё слабее.

Клянусь Виллахом, я готова была умереть сейчас, лишь бы не чувствовать эту всепоглощающую агонию. Она нарастала, пульсируя в висках, и от безысходности мне захотелось

кричать.

Я впиалась пальцами в простыню и до крови прикусила губу, пытаясь справиться с очередным приступом.

Глава 8

Новый день начался с несмелого стука в дверь. К тому времени я чувствовала себя уже гораздо лучше – с первыми лучами солнца боль отступила, оставив после себя лишь гнетущую, выворачивающую наизнанку пустоту.

От Ханны на постели осталось лишь тёплое место – она, как всегда, исчезла с рассветом.

– Госпожа, как вы себя чувствуете? – раздался незнакомый женский голос за дверью. – Ваш отец вернулся и приказал передать, что ожидает вас к завтраку.

– Входите и соберите меня, – раздражённо бросила я в ответ.

Мой взгляд упал на зеркало напротив кровати.

Я изменилась за те несколько недель, что провела в этом проклятом месте. Этот маг что-то сделал со мной – другого объяснения у меня просто не оставалось. Моя кожа, всегда сияющая, стала мертвенно-бледной и сухой. Черты лица заострились, проступив под тонкой кожей, словно у больной чахоткой. Я провела ладонями по щекам, с трудом веря, что это моё собственное отражение.

Вошедшую служанку встретил мой испуганный, полный отчаяния взгляд.

Они молча принялись за работу. Я изо всех сил пыталась бороться с накаत्याющей сонливостью, но выходило ужасно

– я постоянно клевала носом. Голова не болела, но кружилась так сильно, что я едва могла стоять прямо.

Служанки не проронили ни слова, но я ловила их обеспокоенные, быстрые взгляды, когда корсет, ещё недавно едва сходявшийся на мне, теперь висел мешком. Когда моё лицо оказалось настолько бескровным, что не требовало ни капли пудры.

– Госпожа... – раздался дрожащий шёпот позади меня. – Вы уверены, что... вы здоровы? – Одна из девушек вложила мне в ладонь гребень, на зубьях которого застрял огромный, пугающий клочок моих волос.

«О, поглоти меня Бездна... Что со мной происходит?»

Я резко подскочила с кресла и зашагала по комнате взад-вперёд, пытаясь заглушить нарастающую панику, что поднималась комом в горле и грозила вырваться наружу криком.

Я приблизилась к сжавшимся от страха девушкам. Не знаю, что именно в моём внешнем виде или поведении так отпугивает прислугу.

– Ни слова никому, – тихо, но отчётливо произнесла я. – Даже... ему. – Я намеренно сделала ударение на последнем местоимении, чётко давая понять, кого имею в виду.

И снова тренировка. Отец приехал ночью, я успела расспросить Ханну. Даже такому человеку, как он, необходим отдых, так что я рассчитывала на послабление.

И неожиданно для самой себя эти предположения оказались верными. Но легче было не оттого, что отец жалел меня. Нет, он словно даже не замечал моего состояния.

Он... он даже не смотрел на меня. Его удары приходились невпопад, и он постоянно предлагал какие-то слишком очевидные, чтобы быть правдивыми, оправдания моим промахам. Он был не здесь, а где-то в своих мыслях, погружённый в себя.

Я видела его таким всего несколько раз за свою жизнь. Когда его предал напарник, и когда он потом этого напарника казнил. Я была слишком мала, чтобы запомнить детали, но достигла того возраста, когда поняла – в такие моменты к отцу лучше не подходить.

Всё закончилось слишком быстро – я осознанно поддавалась, желая лишь одного: чтобы это поскорее закончилось. В его глазах мелькнуло разочарование, но уже через секунду его вновь сменила мрачная, непробиваемая задумчивость.

Прежде чем уйти, он на мгновение задержал на мне взгляд.

– Ария испарилась, – покачал он головой, и в его голосе звучала несвойственная ему растерянность. – Никаких, совершенно никаких следов. В академии начались серьёзные разбирательства, так что тебе придётся ещё некоторое время позаниматься самостоятельно. Я заказал книги по новой программе из города, должны привезти сегодня.

Я несколько секунд молча смотрела на него, наконец осознав причину его странного состояния. Отец всегда действовал молниеносно – быстро находил проблему и так же быстро её устранял. Сейчас всё было иначе. Он столкнулся с чем-то, что не мог объяснить и не мог контролировать.

Я откинулась на траву, глядя на мелкие облака, плывущие по кристально-голубому, ещё не яркому, а свежему, едва проснувшемуся небу. «Если я умру, то уже не смогу смотреть на небо... Интересно, отцу будет грустно?»

Меня переодели и позвали к завтраку. Склонившись над фарфоровой тарелкой, где лежала медовая каша с ягодами, источающая пряный аромат, я не проявляла никакого интереса к еде.

Меня волновало другое. Достав из потайного кармана в юбке маленький блокнот, я отхлебнула чаю и продолжила выводить остатком угольного карандаша.

«Мне нужно понять, сложить воедино все детали».

«Это мужчина – по крайней мере, надеюсь, что в этих краях завёлся только один вредитель. Он силён, бесшумен и питается...» Мне стало неприятно, но логика подсказывала жестокий вывод: «...питается кровью. То, что рассказывал Айрэн про тело, идеально подходит под описание обескровленного трупа, который я однажды видела в отцовских архивах».

«И эта же магическая нечисть приходит ко мне во сне. Это создание проникло в мои мысли, заняло мою голову и не хочет уходить. Эти глаза, эти глаза... Бездна, вырви эти глаза из моей памяти!»

Увлёкшись, я не заметила, как отец сел рядом. Бесшумно опустился на высокий стул и отхлебнул из своего массивного кубка. Заметила я его лишь тогда, когда он тихо, но резко произнёс:

– Ты не притронулась к еде.

Я вздрогнула, вернувшись в реальный мир, и судорожно придвинула к себе тарелку.

Каша остыла и стала липкой, но я заставила себя съесть почти всё до конца. Отец, как всегда, ел мясо.

Было тихо – лишь звон идеально начищенных приборов нарушал тишину. Отец не любил, когда его отвлекали за едой, но он мог снова уехать, и тогда я бы лишилась последней возможности спросить.

Я открыла рот и тут же закрыла. Отвернулась – было страшно. Но нужно было.

– Отец, – осторожно начала я, прощупывая почву. – Могу

я спросить вас кое о чём? Это очень важно для меня.

Его кубок с глухим стуком опустился на стол.

– Насчёт грамоты не волнуйся. Ты училась десять лет, и пару месяцев домашнего обучения ничего не изменят, – он снова принялся за еду, даже не выслушав меня до конца.

– Я не про это... – я глубоко вдохнула, собираясь с духом.
– Я хочу узнать настоящую причину моего отъезда из города.
Ложка каши встала у меня в горле комом.

– Мне нужно было надолго уехать, – отец казался спокойным, но я знала, что это лишь оболочка. – Я не мог оставить тебя одну. У меня много врагов, а дочь у меня только одна.

Как иногда мне хотелось просто подойти и обнять его. Я не могла понять этого человека, я боялась его и избегала, но порой невидимая связь между нами давала о себе знать. Мне так не хватало его тепла. Вспомнив уютный дом Ладори, я снова взглянула на отца.

«Моя привязанность к этому человеку не приносит ничего хорошего. И всё равно каждый раз, когда он уезжает, я чувствую необъяснимую тревогу за последнего в этом мире человека, которому я, кажется, всё-таки нужна».

– Могу ли я узнать причину того, почему вас вызвали сюда? – это было смело, возможно, даже безрассудно.

Отец нахмурился, его густые брови сдвинулись, образуя глубокую складку на лбу.

– Тебе незачем знать это, – ответил он почти мгновенно, быстро и отрывисто, пресекая любые попытки продолжить разговор.

Я поджала губы и с силой захлопнула блокнот. Он не для чужих глаз.

На улице вновь стояла замечательная погода – того и гляди, я отвыкну от вечных дождей Мираклиона. Стоя на балконе и оглядывая опускающееся за лес золотистое зарево, я ещё раз потрогала холодный клинок, спрятанный под юбкой. После разговора с отцом я пыталась заниматься, но строчки плыли перед глазами, складываясь в одно-единственное слово.

Жажда. Жажда быть признанной. Доказать, что я чего-то стою. Я не узнала ничего нового от отца, хотя была уверена, что смогу выудить хоть крупицу информации.

Пока отец дома, я не могу предпринимать открытых действий. Но я могу изучить то, что давно откладывала. Его кабинет. Его документы. Если он хранит секрет, то именно там.

Я твёрдо решила: сегодня ночью я проберусь в его кабинет. Риск огромен, но другого выхода у меня нет. Нужно найти ответы, пока эта тайна не поглотила меня окончательно

Подойдя к массивному книжному шкафу, я бесшумно

распахнула резную дверцу. Пальцы скользнули по корешкам, пока не нащупали искомое – толстый, истёртый временем и небрежным обращением том. Я победно выдохнула и потянула его на себя.

Это была не обычная книга. Она выбивалась из всего, что я обычно читала, и я не хотела, чтобы кто-либо видел её в моих руках. Я ждала подходящего момента, и сегодня звёзды наконец сошлись.

Сдув с обложки слой пыли, я прошептала название, от которого защемило под ложечкой:

«История Великой Войны».

Нетерпеливо раскрыв тяжёлый переплёт, я склонилась над пожелтевшими страницами и погрузилась в чтение.

Как всегда, когда я брала в руки эту книгу, реальность вокруг растворилась. Я потерялась среди строк, вникая в их страшное содержимое. В то, что я и так знала наизусть, но предпочитала повторять снова и снова, как заклинание, как свою личную мантру.

«Κάτω η καταλίεση» – пронеслось в моей голове, и я снова оказалась там, на главной площади, стараясь держать спину так же прямо, как отец, и копируя его безэмоциональное выражение лица. В тот первый раз у меня не получилось. Когда после короткого, оглушительного крика ещё трепещущее сердце с ключьями плоти подняли к солнцу, я вскрикнула вместе с тем, чья душа отправилась в бездонные недра

Бездны.

Я помню, как отец склонился ко мне, вытер одну-единственную, но предательскую слезу и с разочарованием прошептал:

– Надо чаще брать тебя с собой.

Вначале ощущение такое, будто это твоё собственное сердце вырывают из груди. Но на десятый раз ты уже не плачешь, даже если твой взгляд встречается с взглядом того, кому суждено умереть мучительной смертью через несколько минут. На сотый – смотришь с улыбкой, пусть и натянутой.

Они заслужили это. Если не вырывать сорняк, пока он молод, он разрастётся и погубит все живительные побеги. Эти паразиты раздавят человека, как букашку.

Для них неважно, кто ты – знатный дворянин или грязнокровный землекоп. Ты – человек. А значит, их добыча.

Как жили люди раньше? Как скот. Именно такую участь уготовили нам маги. Они сделали из нас домашних животных, запрещая иметь хоть какое-то подобие воли, знаний, прав.

У человека той эпохи не было ничего. Он не мог распоряжаться своей жизнью, своим телом, своей судьбой. Вся его жизнь от колыбели до могилы принадлежала господину.

Что уж там говорить – у них даже имён не было. Когда их просили представиться, они могли назвать лишь имя своего повелителя.

Ещё на людей ставили клейма. Метки зависели от типа магии, которой владел господин, и различались по престижности. Чем сильнее был маг, тем больше привилегий получали его слуги.

И люди... Подумать только, такие же люди, как я, как Айрэн, даже как мой отец... они были готовы убивать друг друга ради того, чтобы оказаться в подчинении у более сильного господина. У такого же сильного, как тот, кого я сейчас так ярко жажду уничтожить.

Но прежде чем вырвать ему сердце, я хочу спросить: почему же он тогда не довёл дело до конца? Почему остановился?

Голова снова закружилась, и я откинулась на мягкие перины. Срок действия отвара Айрэна подходил к концу, и в висках вновь начинало стучать, голова раскалялась, словно медный таз у кухарки.

Интересно, какой бы я была, родись на двести лет раньше? Без имени, без образования, живя лишь для того, чтобы угождать господину? Это невыносимо. Хоть сейчас моё положение нельзя назвать завидным, но никто не посмеет даже голос на меня повесить.

– Госпожа! – раздался голос за дверью, заставив меня вздрогнуть. – Прошу прощения, что тревожу в столь поздний час, но к вам гость.

Ах, точно. Тот парень из деревни обещал заглянуть. Я резко поднялась с кровати, бережно отметив закладкой страни-

цу, и спрятала книгу в тайник под изголовьем. Затем направилась вниз, к Айрэну, стараясь держать голову как можно прямее, чтобы скрыть нарастающую дурноту.

– Рада вас видеть, – тихо произнесла я, когда он с почти-тельной формальностью поклонился. – Вы принесли то, что обещали?

– Я старался прийти как можно скорее. Приготовление зелья требует времени, – он снял с плеча холщовый ранец и, поставив его на пол, начал расставлять на столе в гостиной маленькие склянки.

– Понимаю, – я подошла ближе, разглядывая переливающиеся жидкости всех оттенков зелёного и синего. – Но, признаться, уже начала думать, что вы не появитесь.

Он смущённо кашлянул, но когда его взгляд снова встретился с моим, на этот раз внимательным и изучающим, в его глазах не осталось и следа прежней лёгкости.

– Вы выглядите хуже, – констатировал он без обиняков. – Вас снова мучили кошмары. – Он был по-прежнему дерзок для простолюдина, но сейчас, когда я едва держалась от напряжения, эта прямота казалась даже спасительной.

– Они приходят ко мне каждую ночь, – я старалась говорить бодро, не выдавая истощения, но дрожь в голосе меня выдала.

Он лишь молча кивнул, поворачивая каждую склянку на свету, видимо, подбирая нужную.

– Мне не подходит говорить вам такое, и это лишь моё предположение... – он, кажется, нашёл искомую склянку и поднёс её к свету. Тёмно-зелёная, почти чёрная жидкость отсвечивала густым золотом в лучах заката. – Но ваши симптомы... они схожи с теми, что бывают при тёмном вмешательстве.

– Не томите, – я опустилась в кресло, не отрывая взгляда от склянки, словно в ней было моё единственное спасение.

– Вы говорили, что видели мужчину, – Айрэн запинаясь, с трудом подбирая слова. – Быть может... на вас проклятие.

– Проклятие? – я покачала головой, пытаюсь принять его слова за неудачную шутку, но не могла. – Вы... вы уверены?

Всё, что я знала о проклятиях, сводилось к одному: от них почти невозможно избавиться. В старые времена, до Великой Войны, это было излюбленным орудием магов для усмирения людей. Клеймо, медленно разъедающее душу и тело, передававшее жизнь того, на кого оно было наложено, в руки того, кто его наложил.

– Не несите чепухи, – возмутилась я, но на всякий случай закатала рукав, оглядывая безупречно белую кожу. – Я лишь мельком его видела, да и не уверена, что это был маг! – я откровенно врала, но другого выхода у меня не было.

– Госпожа, – юноша склонил голову. – Есть способ точно проверить, есть ли в вашем недуге тёмная подоплёка.

– Но это точно... – мой гнев начал отступать, уступая

место страху. Животному, первобытному ужасу, присущему всякому существу на пороге гибели. Когда чужие острые клыки уже смыкаются у горла, не давая сделать последний свободный вдох.

– Ваши симптомы – слабость, головная боль, отторжение пищи... Организм борется с чужеродным влиянием, и это его истощает, – его голос звучал твёрже, увереннее.

Что ж, если это и вправду проклятие, оно убьёт мой и без того слабый организм быстрее, чем я успею что-либо предпринять.

– Вы поможете мне? – я отчаянно ухватила за его руку, как тонущий хватается за соломинку.

Его бледная кожа залилась румянцем от моего прикосновения.

– Вы не умрёте, – вдруг твёрдо произнёс он. – Я уже спасал проклятых, значит, спасу и вас. К тому же, ваше проклятие... особенное. Оно проявляется через сны. И метки на вас нет – это хороший знак. – Уголки его губ дрогнули в намёке на улыбку, но, взглянув на моё измождённое лицо, он снова стал серьёзен.

– Я доверяю вам, – выдохнула я. – Вы единственный, кто может мне помочь.

– Вы сможете помочь себе и сами, если перестанете так тревожиться. Всё будет хорошо. – Он взял одну из склянок и протянул её мне. – Гарантия, что сегодня ночью вы буде-

те спать спокойно. Отгоняет любую магическую нечисть и отбивает у неё охоту приближаться к вам как минимум на неделю. Это настойка листрицы.

Я взяла склянку. Зелёная жидкость играла на свету, отсвечивая изумрудными бликами. Я повертела её в руках, поймав солнечного зайчика, а затем, откупорив, залпом выпила.

В жизни не пробовала ничего отвратительнее. Горькое, с тошнотворно-приторным послевкусием, оно обжигало горло. Я зажала рот ладонью, заставляя себя проглотить ценное снадобье.

Айрэн не сдержал короткий смешок, глядя на моё перекошенное гримасой лицо.

– Могли бы и предупредить, что это настолько противно!
– вытирая губы платком, недовольно бросила я.

– Лечение редко бывает приятным, – произнёс он, укладывая оставшиеся склянки в небольшую плетёную корзинку. – Зато теперь вам гарантированно станет лучше.

Ставя корзинку мне на колени, он добавил:

– Принимайте по одной каждый вечер перед сном. И не пропусайте, иначе всё лечение пойдёт насмарку. Я буду навещать вас каждое утро.

– Хорошо, – послушно согласилась я, на мгновение забыв о пропасти, что лежала между нами.

– И, прошу вас, сохраняйте спокойствие. Это очень важ-

но. Вот увидите – всё наладится.

Я промолчала, чувствуя, как закипает раздражение. Я не ребёнок, и его успокоительный тон был унизителен. Но когда он начал собираться, я вдруг остро ощутила, что не хочу его отпускать. Пусть посидит, побудет рядом. Только бы не оставлял меня наедине с этим страхом, пожирающим изнутри.

– Вы уже уходите? – будто невзначай спросила я, наблюдая, как он ловко упаковывает свои вещи.

– Да, – не поднимая глаз, ответил он. – Дела не ждут.

– Обязательно приходите завтра, – моя просьба прозвучала как приказ и в то же время как искренняя, почти детская мольба.

Я ещё долго сидела, бесцельно болтая ногами и глядя на его удаляющуюся спину. Дверь захлопнулась, и я снова осталась в оглушающей тишине.

Поев немного – крепкого чая и лёгкого ягодного десерта, – я поднялась в спальню. Головная боль медленно, но верно отступала, унося с собой часть тяжкого груза.

Прикрыв за собой дверь, я остановилась перед кроватью. Укрытая струящимся балдахинном, она казалась таким большим, безопасным островком – с пушистым одеялом и грудой мягких подушек. Впервые за много дней я почувствовала, что, возможно, сегодня ночью кошмары действительно отступят.

Но для меня эта кровать стала орудием пытки – каждый

раз, опуская голову на подушку, я ощущала сжимающийся в груди холодный ком страха. Вот и сейчас, готовясь ко сну, я не могла усмирить совершенно не беспричинную тревогу.

Я отчаянно пыталась оттянуть этот момент – медленно расплела замысловатую причёску и долго-долго сидела перед зеркалом, безучастно глядя на своё отражение и расчёсывая волосы.

Наконец я отпустила служанок – бедные девушки уже засыпали стоя. «Как же я хочу просто спать, – пронеслось у меня в голове. – Оказывается, это такое простое и такое недосяжимое счастье».

Я улеглась. Но ни мягчайшее одеяло, ни пуховая перина не могли даровать покоя – я ворочалась с боку на бок, не в силах сомкнуть глаза.

Глубокая ночь уже опустилась на землю, когда истощённый организм наконец сдался, и меня охватила сладкая истома. К моему невероятному облегчению, страхи оказались напрасны – этой ночью я погрузилась в долгий, глубокий и безмятежный сон.

Когда утром меня разбудили для тренировки, я впервые за долгое время смогла поднять голову с подушки без усилия – внутри не гудело, и не было желания зарыться с головой в одеяло до следующего утра.

«Кем бы ни был этот парень и что бы он мне ни дал – это работает. Нужно непременно его отблагодарить».

Сегодня он пришёл раньше обычного – солнце едва взо-

шло, озаряя новый день, а он уже стоял у наших ворот, неловко переминаясь с ноги на ногу. Отец был в своём кабинете, так что я решила, что могу позволить себе выйти и лично впустить его.

Выйдя на крыльцо, я вдохнула свежий, прохладный утренний воздух и помахала ему рукой. Лишь тогда я заметила худощавый силуэт Содалии, робко прятавшейся за его спиной.

– Доброе утро, – приветствовала я их, жестом приглашая войти. Айрэн без колебаний переступил порог, однако Содалия замерла на месте, не решаясь заговорить.

– Госпожа, я пришла навестить вас и кое-что передать, – на этот раз её тон был куда почтительнее. – Айрэн обмолвился, что вас мучают боли, и я подумала, что это может вам помочь.

Я бросила быстрый, но выразительный взгляд на Айрэна. Мне казалось, мы чётко оговорили границы нашего сотрудничества.

«Никто не должен был знать. Никто – значит никто».

– Возможно, я лезу не в своё дело, но... – она замолчала и принялась рыться в своей холщовой сумочке, извлекая оттуда небольшой кулон на тонкой цепочке. – Это... это должно помочь вашему выздоровлению, – неуверенно протянула она его мне.

Я осторожно взяла подарок. Это была удивительно изящ-

ная работа. Белоснежный лепесток, пойманный в момент первого расцвета и навеки застывший в прозрачной смоле, был обрамлён тончайшей серебряной оправой.

– Это лотос? – не поднимая глаз, спросила я, чувствуя, как что-то теплое и давно забытое шевелится в груди.

– Да, – сразу же откликнулась она, разглядывая кулон вместе со мной. – Такие есть у каждого из нас. – Девушка потянула за цепочку на своей шее и показала мне свой кулон, где лепесток был чуть крупнее.

– Мы верим, что они оберегают нас, – пояснил Айрэн. – В наших озёрах лотосы цветут так буйно, что хватает на всех жителей деревни.

– Вот только ты опять не скопил траву вокруг священного озера, – едва слышно прошептала Содалия, толкая брата локтем. – Совсем скоро Аннагентэ...

– Я помню, – смиренно ответил парень, не пытаясь сопротивляться.

И вдруг они – брат и сестра – взглянули друг на друга. Быстро, почти украдкой, и на губах у обоих вспыхнули озорные, почти детские улыбки.

– Госпожа, – Содалия оживилась, снова поворачиваясь ко мне. – Вам непременно стоит побывать у нас в ночь на Аннагентэ! Это наш главный праздник. Озёра светятся, воздух поёт... и в эту ночь даже самые тёмные чары теряют свою силу. Вы будете в полной безопасности, я обещаю.

Её глаза сияли такой искренней надеждой, что моё при-

вычное недоверие дало трещину. Возможно, это и есть тот самый шанс – не просто выживать, отбиваясь от кошмаров, а по-настоящему исцелиться

– О, да, – мечтательно произнёс Айрэн, и в его глазах вспыхнул настоящий восторг. – Нигде во всём Ларитрионе вы не увидите такой красоты, это я вам обещаю.

– Ну... – я вновь опустила взгляд на диковинный кулончик в своей ладони. Щемящее желание согласиться боролось с холодным расчетом. – Я не могу дать вам точного слова, но... я буду стараться. Я не знаю, что будет завтра, а Аннагентэ только через неделю.

– Мы будем ждать вас, – Содалия мягко поклонилась, уже отступая к выходу. – Тот, кто хоть раз побывает на нашем празднике, уже никогда не сможет его забыть.

Дверь закрылась, и мы остались с Айрэном наедине. Пока сестра была рядом, он держался уверенно, но едва щёлкнул замок, парень словно сдулся. Он вытянулся в струнку, взгляд стал сосредоточенным и серьёзным, а руки забеспокойно задвигались: то засовывались в карманы, то запутывались в собственных кудрях, то нервно гладили резную ножку высокого деревянного стула, на который он поставил свою корзинку.

Это выглядело одновременно забавно и трогательно.

– Я не знаю, что вы дали мне вчера, но это определённо помогло. Впервые за столько времени я спала спокойно, – на моё лицо невольно пробилась усталая, но искренняя улыбка.

– Подумать только, какое счастье может доставлять просто... спокойный сон.

– Это неудивительно, – произнёс он, но его взгляд скользнул по столу, накрытому на двоих. Я попросила накрыть и для него – отец с утра пропал в кабинете, а я завтракала позже обычного. – Вы долго мучились и заслужили полноценный отдых.

– Вы мой спаситель, – жестом указала я на стол. – Вы заслуживаете гораздо большей благодарности, но пока я могу предложить лишь разделить со мной трапезу. Я заплачу вам, и немало, поверьте, но чуть позже.

– Что вы! – он побледнел и замахал руками, будто отгонял назойливую муху. – Неужели вы думаете, что за бескорыстную помощь нужна оплата? Вы... вы нравитесь мне как человек, и мне было искренне жаль вас.

– Хорошо, – примирительно выдохнула я, понимая, что задела его самолюбие. – Тогда я приглашаю вас поесть со мной как моего друга. – Я пошла ва-банк, глядя ему прямо в глаза. – Иначе всю эту еду придётся выбросить, а я не люблю расточительность.

– Ну, тогда, боюсь, у меня не остаётся выбора, – с поражённым видом произнёс он и жестом пригласил меня сесть первой, демонстрируя вдруг проснувшуюся галантность.

Мы уселись друг напротив друга. Между нами красовался яркий манговый пирог, тарелка с тонко нарезанными фруктами и стопка уже остывших блинчиков с вишнёвым дже-

мом.

Мы ели молча. Стараясь скрыть отсутствие аппетита, я сначала налила ему чашу молочного улуна, привезённого с далёких островов, а затем тоскливо уставилась на свою полную тарелку.

Несмотря на то, что снабдьё Айрэна усмирило боль, оно не вернуло мне вкус. Я не чувствовала ни сладости манго, ни кислинки ягод. Во рту была лишь безвкусная резина, а желудок сжимался в спазматическом протесте против любой поглощаемой пищи.

Я не сдержала и закашлялась, резко прикрыв рот ладонью. Айрэн, даже не успевший донести вилку до рта, тут же опустил её и уставился на меня с настороженным вниманием.

– Вам плохо? – его голос прозвучал тихо, но в нём слышалась готовность мгновенно действовать. – Еда... она всё ещё кажется вам безвкусной?

Я лишь кивнула, не в силах вымолвить слово, давась комом в горле и отчаянным стыдом за свою слабость.

– Я... я подозреваю, что это может быть частью проклятия, – он сказал это осторожно, словно боясь спугнуть хрупкое равновесие между нами. – Оно отнимает у вас не только покой, но и простые человеческие радости. Вкус еды, запах цветов, тепло солнца... Оно медленно окрашивает ваш мир в серый цвет, лишая его красок. Но мы не позволим этому случиться. Завтра я принесу кое-что ещё. Средство, которое, я надеюсь, вернёт вам вкус. Пусть ненадолго. Но это будет

началом.

Он посмотрел на меня с такой твёрдой уверенностью, что в мою душу закрался крошечный лучик надежды. Возможно, он и вправду сможет вытащить меня из этой трясины

– Госпожа, вам всё ещё настолько плохо? – его тон, непозволительно участливый для малознакомого человека, вызвал у меня щемящее раздражение. Но я пересилила себя и ответила спокойно:

– К сожалению, ваши снадобья не всеильны. Они справляются с болью, но, увы, не возвращают аппетит.

Айрэн поджал губы, его взгляд скользнул по моей заметно похудевшей фигуре, и я решила сделать встречный выпад.

– Вы сами едите одни фрукты, к основному блюду так и не притронулись, – я слегка прищурилась. – Хорошо ли вы себя чувствуете?

Он ничего не ответил – лишь аккуратно наколол на вилку сочную ягоду и отправил её в рот.

Кажется, я пугаю его. Любое моё слово заставляет Айрэна надолго замолкать, словно он репетирует в уме каждую реплику, прежде чем сказать её.

Мы доели молча, и лишь звон серебряных приборов нарушал тишину. Так же молча я проводила его до двери. Он украдкой бросал на меня взгляды, но тут же отводил глаза.

Однако прежде чем дверь закрылась, он проговорил быстро и громко, почти выкрикнул:

– Я сделаю всё, чтобы у вас больше ничего не болело!

Отзвук его голоса остался со мной, а я так и стояла одна перед массивной дубовой дверью.

Кажется, я никогда не смогу понять этого человека.

Глава 9

Никогда не думала, что скажу это в здравом уме, но здешняя жизнь, кажется, становится мне близка. Как и в Мираклионе, всё идёт своим чередом – с той лишь разницей, что теперь рядом нет строгих преподавателей, и никто не стоит у меня за спиной, подстёгивая работоспособность.

Теперь отец лично проверяет меня – допытывается, что и когда я выучила. Каждое утро, уворачиваясь от летящей в меня тренировочной шпаги, я должна чётко докладывать обо всём изученном за прошедший день.

Благодаря тому пареньку из деревни я почти не ощущаю себя больной. Разве что платья стали сидеть на мне свободнее.

Мысли об Арии остались в прошлом. Первые дни я грустила и тревожилась, но затем поняла: тревожилась-то я лишь за собственную шкуру и заветную образовательную грамоту.

Я не строю иллюзий насчёт себя самой – нет смысла лепить идеальную статую, если внутри она полая и треснувшая.

Но, кажется, моя натура не отгалкивает Айрэна. Он не оставляет попыток меня излечить и, судя по всему, уже который день бьётся над созданием идеального лекарства. Он приходит каждое утро почти в одно и то же время, в одной

и той же, когда-то белоснежной, а ныне потерявшей вид рубашке.

– Госпожа, – в это утро он казался особенно оживлённым, несмотря на глубокие тени под глазами, – Мне кажется, я наконец нашёл то, что поможет вам излечиться полностью.

Отхлебнув глоток приторно-сладкого чая, я повернулась к запыхавшемуся гостю.

– Правда? – Мне в самом деле стало интересно, что он на этот раз изобрёл.

– Несомненно! Пришлось перерыть отцовские записи, но это того стоило. – Он достал потрёпанную временем склянку. И будь то пыльное, покрытое пятнами стекло или же чёрная, тягучая, как смола, жидкость внутри – мне решительно не хотелось это пробовать.

– Ваш отец... – я оторвала взгляд от зловещей бутылки, ухватившись за новую нить. Айрэн, кажется, никогда раньше не упоминал своего отца. – Он тоже был врачом?

– Можно и так сказать, – улыбка парня тут же померкла. – Он увлекался алхимией.

Я чуть не поперхнулась. Алхимия запрещена со времён Великой Войны. Эти безумцы ради могущества и наживы пошли на сделку с теми, кто в итоге их и погубил. Они добились своего, но ценой вечного проклятия. Маги открыли им свои тайны в обмен на нечто неизмеримо более ценное. С тех пор золото алхимиков навсегда окрасилось кровью.

Драгоценный металл стал кроваво-красным, сперва утратил всякую ценность, но сейчас в Мираклионе нашлись охотники за этими старинными побрякушками из «кровавого золота».

– Но... – я не могла выдавить из себя ничего вразумительного. Теперь я понимала, почему в этом доме избегают разговоров о родителях. – Как это связано с моим лечением?

Айрэн, казалось, обрадовался смене темы.

– О, поверьте, – защебетал он, – всё в этом мире взаимосвязано! – Парень с надеждой протянул мне бутыль.

Я выпила быстро, ожидая очередной отвратительный вкус, но жидкость оказалась приторно-сладкой и маслянистой, как те сиропы, что дают детям во время болезни.

Почти сразу же у меня закружилась голова. Айрэн предупредил о таком эффекте, но, кажется, мне следовало быть внимательнее к его словам. Я откинулась на спинку стула, пытаюсь прийти в себя, и через пару минут недомогание отступило, сменившись резким, почти неестественным приливом сил.

– Не знаю, что бы я без вас делала, – подошла я к Айрэну, уже начавшему собирать свои пожитки. – Интересно, что вы добавили в этот раз?

– Мастер не раскрывает своих секретов, – без тени лукавства произнёс он. И, помедлив, добавил: – Боюсь, вам не по-

направился бы мой секретный ингредиент

– Что вы имеете в виду? – настороженно спросила я, всё тело мгновенно напряглось. – Раз уж начали, так нужно закончить.

– Не стоит так пугаться, – спокойно произнёс мой новоиспечённый лекарь. – Всего лишь серебряный порошок, перемолотый с корнем прошлогоднего лотоса.

– Зачем же так пугать? – выдохнула я, чувствуя, как напряжение постепенно уходит. – Я доверяю тебе, Айрэн. Прошу, не заставляй меня сомневаться и в тебе.

Мешочек бесшумно опустился на дно его корзины, а ничего не заметивший Айрэн положил сверху точно такой же, холщовый, со своими снадобьями.

– Сейчас много работы, госпожа. Со дня на день Аннагентэ, и, мне кажется, в этом году к нам придет особенно много гостей из соседних поселений, так что все сейчас очень заняты. А потому, – он поклонился, – я вынужден вас оставить.

– Да, конечно... – рассеянно произнесла я, вдруг осознав, что совсем забыла о своём обещании. – Я вас не задерживаю. Передавайте мой привет всем маленьким Ладори.

Как только дверь за Айрэном захлопнулась, судьба, казалось, услышала мои молитвы. Возможно, не совсем в той форме, в какой я ожидала, но всё же – отец вызвал меня к себе.

– Катерина, – он сидел за столом, склонившись над кипой

бумаг. – Как продвигается обучение?

Странно. Я ведь только утром ему отчитывалась.

– Всё хорошо, отец. Как я вам уже говорила, сейчас я глубже изучаю астрономию.

– Это хорошо, – он наконец поднял на меня глаза. – Кхм... Ты, наверняка, волнуешься из-за Арии.

– Разумеется, отец. Но я знаю, что на всё воля Всевышнего, – сухо ответила я.

– В местном поселении скоро проводят празднество. Они доставили нам приглашения, но я буду занят и не смогу присутствовать. Думаю, если я приставлю к тебе нескольких догласов, ты можешь сходить. На час или два.

Я не верила своей удаче. Неужели фортуна после стольких лет игнорирования решила повернуться ко мне лицом?

– Если тебе это неинтересно, скажи сразу, – пробормотал отец, не вылезая из-под кипы бумаг. Вопрос звучал буднично, но я сразу поняла – за ним крылась проверка.

– Шалости простолюдинов не вызывают у меня особого интереса, но всё же я была бы рада сходить в деревню, чтобы узнать здешних людей получше, – я ещё раз поклонилась, не поднимая головы.

– Тогда решено. Иди, – холодно произнёс он, не ожидая возражений. Дверь позади учтиво приоткрылась, и в полумрак кабинета ворвался луч света из коридора. Отец поморщился, но я не спешила уходить.

Нервно скользя глазами по доступному пространству, я

изо всех сил пыталась ухватиться хоть за что-то, найти зацепку. Я не могу вот так просто заходить в его кабинет, вечно оцепленный охраной, но была уверена, что ответы на многие вопросы скрываются именно здесь.

Сзади меня тихо позвали, побуждая поскорее освободить помещение, – никто не хотел злить отца так, как я делала это сейчас.

– Что-то ещё? – отец поднял глаза и удосужил меня тяжёлым, пронизывающим взглядом. Я задержала дыхание, чтобы голос не дрожал, и вдруг в голову пришло то, о чём я давно не решалась заговорить.

– Я хотела попросить вас оценить по достоинству лекаря из этого поселения, по имени Айрэн, – я схватилась за первую мысль и начала медленно пятиться к выходу. – Его отвары помогли мне справиться с головной болью.

Кажется, отец записал его имя на листочке.

– Из какой он семьи?

– Кажется... Ладори.

Отец почему-то скривился, но фамилию к листочку дописал.

– Иди, Катерина. Я передам ему денег

Победную улыбку я позволила себе лишь тогда, когда осталась одна в спальне. В потной ладони была зажата помятая, безжалостно смятая бумажка. Даже если она ничего не

даст, я хотя бы буду знать, что смогла стащить что-то прямо из-под носа у Главного Магоборца Империи.

Плюхнувшись на кровать, я, затаив дыхание, разглядила находку. И почти сразу же скомкала её снова – ничего полезного. Напротив, я окончательно запуталась.

Полустёртый карандашный набросок. Неправильные пропорции, корявое, неуверенное лицо. Но я понимала – отец старался. Я никогда не видела его с карандашом в руках, и это было по-своему удивительно. Даже красиво.

Кто эта девушка? Рисунок был почти полностью истерт, и по нечёткому силуэту я могла разглядеть лишь то, что она худа, как тростинка, а волосы... длинные, ниспадающие волны.

Но тот, кого мы ищем, – мужчина. Я вздохнула и вложила листок между страниц «Истории Великой Войны», отметив место закладкой. «Я должна пробраться в кабинет снова. Пока не знаю как, но должна».

Глава 10

– Затяни потуже, – обернулась я к Ханне, вглядываясь в своё отражение в высоком зеркале, поймавшем отсветы заходящего солнца.

В мои волосы вонзили очередную шпильку.

Шёлк. Тяжёлый, благородный, цвета шампанского – не ослепительно-белый, а тёплый, словно вобравший в себя само солнце. Он струился по фигуре, мягко облекая, но не сковывая, и при каждом движении вспыхивал перламутром.

Высокая талия, подчёркнутая широким поясом с массивной серебряной пряжкой, делала силуэт одновременно строгим и женственным.

– Госпожа, вы сегодня особенно прекрасны, – прошептала служанка, слегка зардевшись и отступая назад.

Я была готова.

Внутри зародилось странное чувство – щекочущее, тревожное предвкушение, не дававшее сидеть на месте. Я присела на край кровати, но тут же подскочила, не в силах совладать с внезапно нахлынувшей энергией.

«Если получится улизнуть от дагласов... я смогу достичь того, о чём мечтаю уже много лет».

Совсем скоро отец начнёт искать мне подходящую партию – я почти достигла совершеннолетия, и время уходит. Я не верю ни во что, кроме всемогущего Хаоса, но уже который год на Аннагентэ судьба сводит тех, кто любит искренне.

Середина цикла полнолуний, «золотая ночь» между двумя половинами целого, – говорят, она открывает сердца, позволяя откинуть всё наносное и осознать свои истинные желания. Может, сегодня я наконец пойму, зачем пришла в этот мир?

Явно не для того, чтобы всю жизнь прозябать в позолоченной темнице, где каждый мой шаг предопределён тем, чьё слово может в миг оборвать моё хрупкое существование.

Время пришло. Солнце почти коснулось горизонта, когда ко мне вошли двое угрюмых дгласов в чёрном и молча скло-

нили головы.

Я лишь кивнула и заторопилась к выходу, сердце колотясь в такт шагам. Мне не терпелось увидеть, на что способны эти простолюдины в ночь магии.

Сверху пришлось накинуть мантию с длинными рукавами и глубоким капюшоном, почти полностью скрывавшим лицо. Со стороны меня вряд ли можно было узнать. Разве что по непослушным кудрям, выбивавшимся из-под тёмной ткани.

Наконец я оказалась на улице. Прохладный вечерний ветерок всколыхнул лёгкий подол платья, а я с наслаждением вдохнула остывший после зноя воздух.

Неожиданный прилив счастья охватил меня, когда я увидела деревню, горящую тысячью огней. Повсюду виднелись лошади, телеги и даже несколько нарядных карет – праздник и вправду обещал быть масштабным.

Приподняв подол, я сделала первый шаг вниз по холму, подставляя лицо ветру. Мне не терпелось оказаться там, в эпицентре этой чужой, манящей жизни.

А затем... я побежала. Стремительно, почти падая, подхватив тяжёлое платье. Ветер в ушах заглушал крики телохранителей, и я не разбирала ни слова.

Неудобные туфли сковывали движения, и, недолго думая, я сбросила их. Колючая, влажная трава обожгла босые ступни, и я на мгновение замедлилась. Но новые окрики позади заставили ускориться вновь, несмотря на боль.

Едва достигнув деревянных ворот деревни, я шмыгнула за спину какого-то дюжего мужчины, тяжело дыша. День выдался знойным, и я чувствовала, как капли пота стекают по спине и вискам. Но передохнуть как следует не удалось.

– Катерина! – знакомый голос вернул меня в реальность.
– Вы всё-таки пришли!

В этой простой фразе я услышала незнакомые доселе нотки – искренней радости и тепла.

Я обернулась и увидела Айрэна. Но сегодня он был другим. Вместо привычной льняной рубашки на нём была белая праздничная туника, расшитая у горла затейливым узором из цветных нитей, напоминающим лотос.

– Как я могла не прийти? – улыбнулась я, оглядывая переливающееся огнями поселение. – Когда здесь такое творится.

Праздник поглотил меня с головой. Снующие люди, украшенные гирляндами из трав и цветов избы, огни... Воздух был густым от запаха пота, мёда, дыма и свежееиспечённого хлеба. Я схватила Айрэна за руку, всем видом показывая, что мне нужно уйти от посторонних глаз.

Я заметила, как его взгляд на мгновение задержался на мне, прежде чем он что-то произнёс. «Да, я сегодня и вправду хороша».

– Поможете мне скрыться? – тихо прошептала я, придвигаясь ближе. – Я хочу провести этот Аннагентэ без лишних глаз.

В его зелёных, как летний лес, глазах пробежали озорные искорки.

– С превеликим удовольствием, – он обвил своими пальцами мою ладонь и, дождавшись кивка, рванул вперёд, увлекая за собой.

Я затаила дыхание, стараясь не отставать, глядя на простые бумажные фонарики, что гроздьями висели над головой, затмевая звёзды. Весь мир на несколько минут закружился, и я повисла где-то между прошлым и будущим, между долгом и желанием.

Мы оказались в самой гуще праздника – людской гул на мгновение оглушил меня. Придя в себя, я заметила рядом Содалию.

На ней был просторный сарафан, расшитый такими же узорами, что и на тунике брата. Щёки горели румянцем, а длинные волосы были убраны в тугую, сложную косу.

– Госпожа, – она сделала небрежный, почти ритуальный поклон. – Великий отец благоволит нам, раз вы почтили наш скромный праздник.

Я огляделась и поняла, что почти все женщины, от мала до велика, одеты так же, как Содалия – в простые сарафаны, многие и вовсе босиком.

Я с недоумением перевела взгляд с брата на сестру, чувствуя себя белой вороной в своём роскошном, но чужеродном шелке.

– У тебя найдётся лишний сарафан? – спросила я девушку, и в моём голосе прозвучала неприкрытая надежда. – Мне кажется, мой наряд не совсем... подходит для вашего праздника. – Мне стало невыносимо стыдно за своё богатство, за эту стену, что отделяла меня от них. И я отчаянно захотела её разрушить. Хотя бы на одну эту ночь.

– Конечно, я могу одолжить вам один из наших. Мы шьём их много на продажу, – она жестом пригласила меня следовать за собой в дом.

В прохладной избе пахло сушёными травами и тем самым медовым отваром, знакомым мне по прошлым визитам. Я стояла, опершись о дверной косяк, и наблюдала, как Содалия роется в сундуке, что-то бормоча себе под нос.

– Вам у нас понравится. Сначала я отведу вас к озеру... потом ходим к... – она протянула мне аккуратно свёрнутый сарафан из мягкого, некрашеного льна. – Позвольте помочь вам переодеться.

– Конечно, – рассеянно кивнула я, подходя ближе.

Мы избавились от тугого, сковывавшего движения шелкового наряда. И я вдруг поняла, почему мне стало так легко дышать – простая хлопковая ткань свободно облегла тело, позволяя воздуху свободно циркулировать. Я вздрогнула, когда Содалия, распуская сложную причёску, дёрнула за прядь волос.

– Ой, – смущённо прошептала она, – я нечаянно.

– Ничего страшного, – махнула я рукой. – Она всё равно

мне мешала.

Я подошла к высокому, немного мутному зеркалу у стены. Девушка, смотревшая на меня из глубины стекла, имела лишь отдалённое сходство с той чопорной аристократкой в строгих платьях. Я покрутилась перед зеркалом, приподняв подол и разглядывая свои босые ноги. Шершавые половицы приятно охладили ступни.

– Пойдёмте, госпожа. Нас ждёт много интересного, – за стеной послышалась мягкая, переливчатая мелодия флейты. – Скоро начнётся ритуал.

Деревня странным образом опустела – все жители двинулись вниз, к полям. Их путь выдавали огни факелов и нарастающий гул голосов.

– Они идут к полям, – шурясь, произнесла Содалия и, резко схватив меня за руку, потянула за собой. – Уже жгут костры, нам нужно спешить!

Я послушно побежала за ней. Дорога была отнюдь не пологой, и я несколько раз спотыкалась о острые камни, обдирая босые пятки.

Запыхавшиеся и взмокшие, мы наконец догнали толпу. Меня и Содалию подхватили чужие руки, и вскоре я оказалась зажата между двумя незнакомыми хохочущими парнями. Один из них держал высокий пылающий факел.

– Откуда ты к нам, красавица? – он наклонился ко мне, и я с отвращением отступила на полшага. – Пахнешь богатством.

– Вы правы, я не здешняя, – я выдавила улыбку. – Впервые на Аннагентэ.

Он ахнул и толкнул локтем своего товарища.

– Бери её, – прошептал он, почти не шевеля губами.

– Да как же я...

– Просто бери! – он сунул факел другу в руки. – Голубка, иди за ним.

И мне снова пришлось бежать, на этот раз зажатой в толпе незнакомцев, которые не слишком радовались, когда я пробивалась вперёд, бормоча извинения.

– Куда мы идём? – спросила я у своего нового «проводника».

– Зажигать костёр! – он поднял факел выше. – Ты мне поможешь.

Лишь оказавшись в первых рядах процессии, я смогла разглядеть цель нашего пути. Мы вышли на большое поле, где урожай был уже убран. По всей его территории были разложены несколько круглых кострищ – аккуратные горки из сухого сена и хвороста.

Огромная толпа разделилась на пять групп, каждая направилась к своему костру. Музыка заиграла громче, когда мы подошли вплотную. Внутренний круг у костра заняли я, мой

спутник и ещё несколько парней. Я была единственной девушкой среди них.

Они переглянулись и кивнули друг другу. Парень протянул мне факел.

– Она будет первой, – объявил он всем, а затем повернулся ко мне. – Поднеси его и подожги траву в основании.

Я кивнула, сжимая в внезапно дрожащих руках шершавый, обугленный ствол.

– Давай же! – он подтолкнул меня вперёд.

Остальные люди, стоявшие вокруг, взялись за руки, образовав вокруг кострища живое кольцо. Выхода не было.

Я сделала глубокий вдох и поднесла факел к сухой траве. Огонь с жадным треском перекинулся на хворост, и в считанные секунды перед нами взметнулся к небу ослепительный столп пламени, озаривший ночь.

Я застыла, замороженная диким зрелищем. Музыка стала громче и быстрее, и чьи-то руки схватили меня, втягивая в общий круг. Сцепив ладони с незнакомыми людьми, я пустилась в бешеный хоровод, подхватывая незнакомый напев.

– Ты сегодня Майла! – крикнул мне кто-то на ухо, не сбавляя расе. Люди неслись всё быстрее, и я, ослеплённая огнём, уже не смотрела под ноги – только бежала и бежала, вглядываясь в покрасневшиеся лица и сжимая чужие потные ладони.

Музыка достигла оглушительной громкости— круг разомкнулся, и несколько девушек рядом со мной залились счастливым, звонким смехом. Мы все были измучены, но на удивление, невероятно счастливы.

Костры пылали, музыка гремела, и в дрожащем воздухе я мельком увидела знакомую копну рыжих волос. Вырвавшись из хохочущей толпы, я бросилась к этому силуэту.

– Айрэн! – запыхавшись, крикнула я. – Я тебя потеряла!

Парень обернулся, глядя на меня сперва с удивлением, будто не узнавая. Но потом взгляд его прояснился.

– Госпожа! Вы сегодня такая... другая.

– Мне сказали, что я «Майла», – перебила я его. – Объясни, что это значит?

– Вы зажигали костёр? – он заглянул мне за плечо к пылающему огню, и на его губах расплылась лукавая улыбка. – Что ж, всё, что мне позволено сказать, – это то, что сегодня вы должны следить, чтобы ваш костёр не погас до рассвета. А ещё... вы, скорее всего, вернётесь домой мокрой до нитки.

Я уже открыла рот, чтобы расспросить его, но сзади к нам подошла Содалия. Она тоже выглядела уставшей, но на её лице сияла беззаботная улыбка.

– Пойдёмте, там уже разливают!

– Разливают? Что разливают? – я встрепенулась, уловив знакомый медовый аромат, который теперь витал в воздухе густым и соблазнительным шлейфом.

Вниз по склону спускалась новая процессия – девушки с факелами освещали путь парням, катившим по земле огромные дубовые бочки. Я оглянулась и увидела, как мужчины расставляют вокруг костров грубые деревянные скамьи.

– Пойдёмте скорее! – я указала на «свой» костёр, тот самый, что я подожгла. – Садитесь рядом со мной.

Вскоре у костра разместилось всё многочисленное семейство Ладори. Айрис мирно сопела, уткнувшись в плечо Айрэна, а Лианна с Ризанной о чём-то увлечённо шептались, показывая пальцами на танцующих.

– В этом году всё затянулось, – заметил Айрэн, вглядываясь в полевшее небо на востоке. – Совсем скоро рассвет.

Каждому из нас вручили по небольшой деревянной чарке. Прямо у костра стояла осмаленная дымом бочка, из которой черпали густой, тёплый напиток, прогретый жаром пламени.

Я сделала первый, несмелый глоток. Горячая, ароматная жидкость смягчила пересохшее за вечер горло. Сначала я не почувствовала ничего, кроме приятного медового вкуса с лёгкой горьковатой ноткой полыни.

Но затем что-то большое, мягкое и невероятно тёплое вытеснило все тревожные мысли, заменив их беспричинными всплесками радости и лёгким головокружением. Меня на мгновение затошнило, но это показалось сущей ерундой.

Ещё никогда я не чувствовала себя настолько... свободной. Свободной от всего.

Я сделала ещё несколько глотков, а затем взглянула на Айрэна – он уже осушил свою вторую чарку одним махом. Я зажмурилась и влила в себя остатки. Теплота, похожая на жидкое солнце, разлилась по груди.

Мир вокруг заиграл новыми красками. Языки пламени, взмывающие к небу, стали ослепительнее, музыка – громче и заливистее, а глаза Айрэна... его зелёные, с золотистыми искорками глаза смотрели на меня с непривычной пристальностью.

– Играйте же громче! – раздался подвыпивший возглас за нашей спиной. – Время танцев!

Девушки вокруг ахнули, смущённо отодвигаясь от мужчин, а музыка резко сменила ритм. Сперва флейта затихла, уступив место кротким, задумчивым нотам. А затем вступили гусли – быстрые, резкие, зовущие в пляс. Со скамеек поднялись девушки, и, глядя на присоединившуюся к ним Содалию, я растерялась.

– Пригласите меня на танец, – внезапно прошептал Айрэн, прикрывая рот ладонью.

– Что?.. – непонимающе переспросила я, всё ещё оглядываясь. Девушки подходили к разным парням и протягивали им что-то в руках.

– У вас есть кулон, – Айрэн ткнул пальцем себе в грудь, где под туникой угадывался его собственный оберег. – От-

дайте его мне. И тогда я соглашусь на танец.

– Я не хочу его отдавать, – я отступила на шаг, сжимая в ладони тёплый металл. – И кто вы такой, чтобы требовать, чтобы это я вас приглашала?

– Давайте же скорее! – нетерпеливо перебил он. – Не упускайте шанс повеселиться, госпожа. – По его голосу было слышно, что он изрядно выпил.

И это стало совершенно очевидно, когда он, не дожидаясь ответа, грубо ухватил меня за руку и потянул к себе, пускаясь в неистовый танец.

Я попыталась вырваться, но вскоре сдалась, поддавшись всеобщему безумию. В его глазах плясали отражения костра, когда я, обойдя за спиной, резко притянула его к себе.

Музыка гремела всё громче, движения становились быстрее и беспорядочнее. Я и сама не понимала, что делаю, но это не имело значения – было весело, головокружительно и безумно.

Айрэн закружил меня так, что весь мир расплылся в калейдоскопе огней и теней. Я громко рассмеялась, откидывая с лица выбившиеся непослушные пряди.

Не знаю, сколько бы это продолжалось. Наверное, до тех пор, пока я не рухнула бы без сил, не сточила бы ноги в кровь – лишь бы не возвращаться назад.

Но весь хмель мгновенно улетучился, когда до меня донесся чужой, жёсткий голос:

– Извините, вы не видели девушку в длинном белом платье?

Люди вокруг недовольно заворчали, разглядывая появившихся стражников, а девушки испуганно шарахались в сторону.

– Госпожа... – Айрэн резко притянул меня к себе, пытаясь укрыть за своей спиной. – Думаю, вам не стоит попадаться им на глаза.

– Вы правы... – прошептала я. – Но я сомневаюсь, что ваша спина скроет меня достаточно.

Стражи приближались. Я отшатнулась, снова потянув Айрэна за собой.

– Спускайтесь к озеру, – прошептал он, подталкивая меня в спину. – Там вас точно не станут искать.

Темнота леса пугала, но, сделав глубокий вдох, я ступила на сырую землю. Пологий склон скрывал озеро, и, доверившись инстинктам, я просто пошла вперёд. Голоса за спиной становились громче, и я ускорила шаг, подобрав испачканный влажной землёй подол чужого платья.

Водная гладь открылась передо мной почти сразу – настолько прозрачная, чистая и неподвижная, что казалась нереальной. Спустившись к самой кромке, я уселась на траву, вытянув занемевшие от танцев ноги.

Лотосы я заметила почти сразу. Вода, отражавшая отсветы далёких костров, позволяла разглядеть толстые стебли

крупных, белоснежных цветов, уходящие в тёмную глубину. Они были идеально белыми, как первый зимний снег, и лишь их сердцевины отливали таинственным золотом.

Озеро было огромным – его гладь раскинулась на пространстве, немногим меньшем, чем несколько пахотных полей. «Наверное, здесь каждый день кипит жизнь, – подумала я. –купают лошадей, стирают бельё, резвятся дети...»

Жизнь здесь текла своим чередом. Женщины выходили замуж и рожали детей, мужчины работали в поле. Да, они были обязаны отдавать часть урожая и денег, но если такова цена свободы... она казалась ничтожной.

Приглушённые голоса доносились сверху – погоня приближалась. Я оттолкнулась от земли и подошла к самой воде.

На тёмной, как полированное стекло, поверхности отразилось моё лицо. Я улыбнулась и присела на корточки, стараясь в полумраке разглядеть себя получше.

«Я знаю, что красива».

Отражение не лгало: чёткие скулы, густые ресницы, пухлые, розовые губы. Глаза – большие, миндалевидные, редко-го серо-зелёного оттенка. И тёмные, с золотистым отливом волосы.

На кристальной глади, на несколько секунд помутневшей от отблесков факелов за моей спиной, мелькнула моя улыбка. Я встрепенулась и коснулась мокрыми пальцами соб-

ственных губ. Но я не улыбалась.

Прошла секунда. Я заморгала, не веря собственным глазам. Опустила ладони в чёрную воду и вздрогнула от неожиданного холода.

Я снова посмотрела на своё отражение – и не могла оторвать взгляда. Весь остальной мир, вместе с весёлыми окриками Айрэна и девичьей болтовнёй, казался таким далёким и неважным...

Оно звало меня дальше – эта девушка, скрытая под толщей воды. И я верила ей так, как не верила самой себе. Здесь было что-то важное... Я закатала подол и ступила в воду. Сначала лишь намочила пятки, но что-то внутри мучительно сжалось, заставляя кожу под тонким хлопком покрыться гусиными мурашками.

Я сделала шаг вперёд. Кажется, оклики Айрэна становились громче. Но я не обращала внимания – я задерживала дыхание, боясь упустить цепкий взгляд девушки, что звала меня вглубь. «Нет, это иллюзия, – пыталась я убедить себя. – Я сплю и просто не могу проснуться. Неужели я так и не смогла выбраться на праздник и всё это – лишь сон, сотканный из моих же отчаянных надежд?»

Мне так холодно. Я зашла почти по пояс и уже не чувствую ног, а зубы начинают выбивать предательскую дрожь. Но моё сердце трепещет так, словно я произношу клятву верности – если я хочу понять, то не должна останавливаться.

Подол платья, намокнув, свинцовой тяжестью тянет ко дну. Кто-то мутит воду – отражение то исчезает, то появляется вновь, и это безумно раздражает. Я ускоряюсь, цепляясь за ускользающую иллюзию.

Краем уха я слышу крики – кто-то отчаянно зовёт меня по имени. Но до меня не могла достучаться даже я сама, запертая внутри и до хрипоты кричавшая о собственном безумии.

Так холодно... но я горю. Горю, чувствуя, что цель близка. Жадно хватая воздух, я смотрю на лотосы. Если зайти глубже, можно ухватиться за их стебли.

Вода обнимает меня, холодная и безжалостная. Сперва я чувствую, как ил под ногами становится податливым, словно жидкий шёлк, а потом – резкий обрыв. Дно исчезает.

Я взмахнула руками, пытаюсь удержаться на поверхности, но платье вдруг превратилось в свинец. Тяжёлые, пропитанные водой складки обвилились вокруг ног, словно живые щупальца, и потащили вниз.

Сердце заколотилось в висках, заглушая всё. Я судорожно загребала воду, но каждый взмах лишь глубже погружал меня в эту чёрную бездну. Ноги запутались в подоле, пальцы скользили по мокрой ткани, не находя опоры.

А внизу – лишь холод. Темнота. Тишина, нарушаемая только бешеным стуком собственного сердца.

Озеро разверзлось подо мной, и я падала, падала в его ледяную утробу, чувствуя, как последний пузырь воздуха вырывается из губ. Платье, когда-то лёгкое, стало саваном.

И вода сомкнулась над головой.

Когда исчезает возможность сделать вдох, лёгкие разрываюся от паники. Вода слишком холодна, я не могу плыть, но всё равно бессмысленно молочу руками и ногами, лишь затягивая себя глубже.

Там, наверху, светло – я тянусь к этому свету, но он не хочет принимать меня. Я умираю, и лишь это осознание заставляет продолжать бороться. Неужели я, Екатерина Вирис, приложившая столько сил ради собственного существования, так глупо и быстро потеряю возможность им насладиться?

Но силы иссякают. Всё против меня: и тяжёлые, набухшие пряди волос, и мокрая ткань, и ледяная хватка воды.

Она так прозрачна, что я вижу ночное небо. Я ещё никогда не была одновременно так далека и так близка к звёздам.

«Хаос, прими меня в свои объятия, ибо у меня больше нет сил».

Я расслабляюсь и сразу становлюсь легче, позволяя тьме окутать меня. Сознание меркнет, я уже не могу толком открыть глаза.

Вдруг звёзды заслоняет чьё-то лицо. Оно одновременно знакомо и чуждо. Я бы запаниковала, если бы могла, – эти кристальные голубые глаза невозможно забыть.

Всё происходит быстро, но для меня время замедляется. Он обвивает рукой мою талию и тянет вверх. А я с холод-

ным, отстранённым интересом рассматриваю черты его лица – слишком совершенные, чтобы быть реальными. Я знаю, что это обман, знаю, что не должна верить, но одно дело – читать в книгах, другое – видеть эту красоту в сантиметре от себя, иметь возможность дотронуться. Я снова вижу свет и тянусь к нему, но пальцы касаются лишь щеки мага – его кожа холодная и гладкая, как мрамор. И лишь сейчас я до конца верю, что это не мираж.

Его черты будто высечены изваявшим само совершенство скульптором: тонкие губы, прямой нос с горбинкой, резко очерченные скулы. Белоснежную кожу обрамляют чёрные кудри.

Мне странным образом становится тепло, когда он прикладывает ладонь к моей груди. Что-то внутри тянется к этому прикосновению, и я поддаюсь, позволяя странному теплу заполнить меня. А затем вижу свет – ослепительный, пронизывающий тело изнутри.

Он ярче, чем звёзды. И это сияние исходит от меня. Я, Хаос поглоти меня, свечусь.

Я мотаю головой, но маг улыбается, словно подтверждая мои самые ужасные догадки. Он что-то сделал со мной. Я не должна быть связана с магией!

«Лучше смерть, чем быть рядом с этим отродьем». Глаза наполняются слезами, и я собираю все остатки сил, чтобы оттолкнуться от его груди.

На прекрасном лице, озарённом лунным светом, мелька-

ет недоумение, тут же сменяемое ледяным отвращением. Он сам отталкивает меня и исчезает так же стремительно, как и появился. Вместе с ним уходит и неестественный покой, уступая место знакомой панике, которая быстро сменяется смирением. Я умираю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.